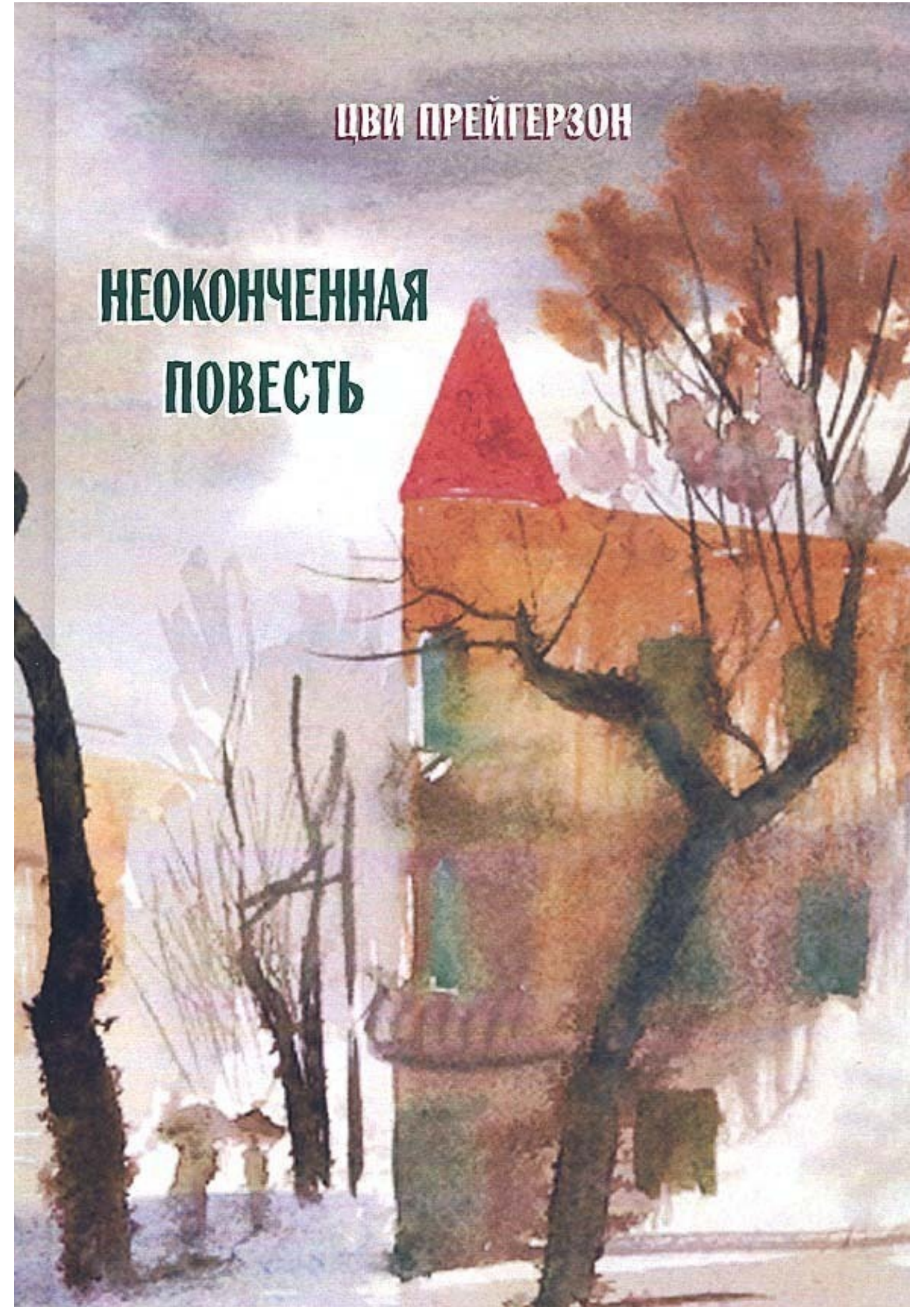

ЦВИ ПРЕЙГЕРЗОН

**НЕОКОНЧЕННАЯ
ПОВЕСТЬ**

Цви Прейгерзон
Неоконченная повесть

«Книга-Сэфер»

1991

Прейгерзон Ц.

Неоконченная повесть / Ц. Прейгерзон — «Книга-Сэфер», 1991

Цви Прейгерзон (1900—1969) – ведущий ивритский писатель СССР. По профессии горный инженер, известный специалист и преподаватель, он с юности изучал иврит. За что и «отсидел» с 1949 по 1956 годы... Первая книга вышла уже в Израиле, в 1965 году. О его популярности в Израиле говорит уже тот факт, что в 2008 году его именем названа улица в Тель-Авиве, а книги постоянно переиздаются. «Неоконченная повесть» – последняя книга писателя, – во многом автобиографична, рассказывает о жизни еврейской семьи на Украине в годы потрясений начала XX века. Перевод с иврита сына писателя, Венямина Прейгерзона.

© Прейгерзон Ц., 1991

© Книга-Сэфер, 1991

Содержание

Цви Прейгерзон	6
От переводчика	7
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Цви Прейгерзон

Неоконченная повесть

*Посвящается памяти
нашего отца, Цви Прейгерзона,
не успевшего при жизни увидеть
это произведение опубликованным.
Аталия, Нина, Венъямин*

Цви Прейгерзон (фото 1968 г.)

Цви Прейгерзон
Неоконченная повесть
Перевод с иврита Венъямина Прейгерзона

צבי פרייגרזון
הסיפור שלא ניגמר
תרגום מעברית – ב. פרייגרזון

(На обложке воспроизведена акварель «Одесский мотив» неизв. худож.)

Цви Прейгерзон был одним из ведущих и в то же время одним из последних ивритских писателей в бывшем Советском Союзе. Любовь к ивриту сформировалась в юном возрасте, когда он в период 1913-14 гг. учился в ивритской гимназии «Герцлия» в Тель-Авиве. Свое образование он продолжил в русской школе в Одессе, а затем в Московской горной академии.

Прейгерзон использовал любую возможность, чтобы узнать что-то новое, связанное с ивритом, читал и писал на этом языке. Его первые рассказы увидели свет в 20-х годах прошлого столетия. Первой его книгой, опубликованной в Израиле в 1965 г. под псевдонимом А. Цфони, был роман «Вечный огонь».

Свою тайную писательскую работу он совмещал с научной и педагогической деятельностью в Московском горном институте, став одним из ведущих специалистов в области обогащения полезных ископаемых и угля. За его «преступное» увлечение ивритом он просидел в сталинских лагерях около семи лет (1949—1956).

Данная книга впервые опубликована на иврите в Израиле в 1991 г. и является последним литературным произведением автора. Книга во многом автобиографична и рассказывает о жизни еврейской семьи на Украине в годы потрясений и переворотов начала XX века и в первые годы становления советской власти.

От переводчика

Эта книга, написанная на иврите, является частью эпопеи «Врачи», которую задумал мой отец – писатель Цви Прейгерзон (1900—1969). Заключительной частью этой эпопеи должно было стать «Дело врачей» – позорная антисемитская кампания по разоблачению «заговора врачей-вредителей, в намерение которых входило отравить и уничтожить руководителей партии и правительства», – спровоцированное Сталиным в последние годы его жизни. По замыслу автора, героями эпопеи должны были стать врачи-евреи, пострадавшие во время этой кампании. Цви Прейгерзон, незадолго до своей смерти, успел написать только первую часть этого произведения.

Родился автор в 1900 году на Украине, в г. Шепетовка. В том же году родился и главный герой книги, Шоэль Горовец, и тоже в небольшом городке на Украине. Жизнь Шоэля протекает как бы параллельно с жизнью самого автора. На это есть указания и в тексте книги, и в событиях, которые происходят с героем. О первых годах жизни Шоэля автор пишет так: «.. В пять лет Шеилку отправили в хедер, положив, таким образом, начало его нелегкой дороге к вершинам знания. Меламед Песах стал учить мальчика грамоте, знакомить с первыми ивритскими словами, которые, впрочем, не использовались тогда в разговорном языке ...*О, Песах, мой учитель и ребе! В те далекие печальные годы учился и я в его тесном хедере – пером, как резцом в камне, высекал ивритские слова, бусинками нанизывал букву за буквой и бережно укладывал их в свою тетрадь, в длинные наклонные строчки... Шеилка Горовец был тогда моим другом, и мы вместе несли на своих детских плечах груз предыдущих поколений. Мы жили на одной улице, и вместе возвращались домой зимними вечерами.*

Когда Шоэлю исполнилось 13 лет, его отправили учиться в открывшуюся незадолго до этого гимназию «Герцлия» в Тель-Авиве, где преподавание велось на иврите. Этот же путь, и в том же возрасте, проделал и Цви Прейгерзон. Оба они проучились только год – разразилась Первая мировая война.

Шоэль продолжил учебу в русской школе в Одессе. Такова же была судьба и автора. В дальнейшем их пути расходятся: Шоэль, после окончания школы, решил продолжить учебу в медицинском институте в Одессе, а Цви уезжает в Москву. Когда еще оба были в Одессе, у Шоэля была возможность уехать на Землю обетованную, в Палестину, вместе с друзьями-сионистами из его родного городка. Но Шоэль решил не уезжать. Об этом судьбоносном решении автор пишет так: «Так Шоэль Горовец остался в Советской России. А кроме него такое же решение приняли еще очень и очень многие – в том числе и автор этих строк. Страшная война осталась позади, и людям хотелось верить, что она была последним испытанием. Прихода счастливой эпохи ждали, как прихода мессии, верили, что он уже здесь, что вот-вот явится желанное избавление». На этом событии заканчивается предлагаемая вниманию читателей книга.

В Москве Цви Прейгерзон закончил Московскую горную академию, переименованную вскоре в МГИ – Московский горный институт. В этом институте автор проработал почти до конца жизни, за исключением семи лет пребывания в сталинских тюрьмах и лагерях (1949—1956) по обвинению в «сколачивании антисоветской группы и преступной работы против ВКП(б) и Советского правительства, попытке установления нелегальной связи с сионистами Палестины для развертывания националистической работы»¹, и т. д., и т. п. (Прейгерзон был реабилитирован в конце 1955-го года.)

---

¹ Дело № 2239 по обвинению Прейгерзона Герша Израилевича. Следчасть по особо важным делам, МТБ СССР, 1949 (архив).

Эта книга впервые вышла в Израиле на иврите в 1991 году. Жанр, в котором она написана, можно назвать документально-художественным. Для меня, сына автора, эта книга была откровением. Благодаря ей я познакомился с жизнью отца и моей семьи до начала 20-х годов прошлого века, поскольку, как было отмечено, жизнь Шоэля Горовца и Цви Прейгерзона протекала параллельно.

Помимо истории семьи, автор пишет о процессах и изменениях в еврейском обществе на фоне событий и переворотов в России тех лет. У него была прекрасная память. Большинство фактов в книге соответствуют действительности, хотя имена и фамилии действующих лиц отец мог изменить. Кроме того, с присущим ему научным подходом он проработал всю доступную историческую литературу по интересующим его темам на русском языке и на идише. Например, суд над хедером, описанный в 24-26-й главах книги, действительно имел место в Витебске в январе 1921 года и продолжался в течение недели. В те бурные времена рушился привычный уклад жизни в еврейских местечках. Это были смутные годы развала царской России, гражданской войны, Октябрьского переворота и, в конце концов, установления власти большевиков. Это сопровождалось погромами и бандитизмом, ликвидацией еврейских школ и культурных центров, запрещением языка иврит. Но, с другой стороны, была отменена черта оседлости, и еврейской молодежи предоставили равные права на образование. Еврейское общество расслоилось: часть уехала, но большинство еврейского населения поверило в коммунизм, и многие из его представителей, несмотря на ликвидацию национальный жизни и языка иврит, приняли активное участие в строительстве «нового мира». Автор принял революцию, она дала ему возможность получить образование и стать известным ученым, но, в то же время, он до конца жизни был предан еврейству и языку иврит.

В условиях сталинской диктатуры такое сочетание было идеологически несовместимым и требовало большого мужества. И как только появилась возможность, он стал инициатором нашего отъезда в Израиль. К сожалению, отец не дожил до этого времени. Семья приехала в Израиль в 70-х годах прошлого века. Прах Цви Прейгерзона покоится на кладбище киббуца Шфаим, рядом с ним похоронена мама, Леа, умершая в Тель-Авиве. У внуков и всех правнуков родной язык – иврит. И это самый ценный подарок для Цви, иврит для которого был его душой, его жизнью. Исполнилось также и его заветное желание: его произведения были опубликованы в Тель-Авиве.²

Веньямин Прейгерзон

Июль 2011

---

² Полный перечень изданий художественных произведений Ц. Прейгерзона приведен в конце книги.

Глава 1

Горовцы всегда были *меламедами*³ – издавна, из поколения в поколение. Прибыли с этой профессии немного, в богачи не выбьешься. Но не зря сравнивают меламеда со священным сосудом, полным веры и непоколебимого упорства. Хотя живут эти люди, как все – женятся, пестуют семьи, растят детей... – обычная жизнь.

С чего начнем? Не с тех ли далеких дней, когда еще царствовал русский царь, и власть его казалась столь же непоколебимой и вечной, как и упорство меламедов? Йоэль, сын Моше Горовца, появился на свет за несколько лет до известных событий 1 марта 1881 года⁴, когда был убит тогдашний самодержец Александр Второй. Словно в ответ на убыль императорской семьи, у Горовцев с тех пор что ни год рождался новый ребенок. Можно представить себе, какой гвалт стоял в этом доме – даже в отсутствие шумной компании учеников. А уж когда *хедер*⁵ был полон – ох... – впору было уши затыкать. Но, как говорят умные учителя, дети есть дети. Если ребенок вял и малоподвижен – пощупай ему лоб – не заболел ли? Лбы у детей в доме меламеда Моше можно было не проверять – веселые детские голоса разносились по всей округе.

В компанию первых лиц местечка меламед не попадал – уж больно небогат, невелика птица. Весь дом – кухонька да две комнаты. В одной голова на голове ютились жена и детишки, другая отводилась под хедер. Там за длинным столом, в тесноте и в суете, помещалось до двух с половиной десятков малышей.

Когда Йоэль достиг возраста бар-мицвы⁶, родные и близкие собрались на праздничную церемонию наложения тфилин⁷. Старший сын меламеда возблагодарил Господа, гости одобрительно загудели и перешли к угощению. Они налегали на зеленый горошек, пили водку за радость жизни, хриплыми голосами распевали веселые песни и наперебой поздравляли Йоэля. Удивляясь, как быстро бежит время, они похлопывали мальчика по спине, гладили по голове: вот ведь, какой большой – и оглянуться не успели, а уже вырос отцу помощник!

Ну да, помощник... Не сахар жизнь у помощника меламеда, ох, не сахар. Были сладкие сны, да все вышли. Осень ли, зима ли, в дождь и в снег поднимайся чуть свет – собирать детей в хедер. И сам не рад, а ученики – тем более. Ну какой пятилетний ребенок по своей воле выберется из-под одеяла, чтобы идти на урок? Плетутся сонные, недовольные, ноют в голос, нога за ногу заплетается, чуть отвернешься – и нету, сбежал. Догонишь такого, влепишь с досады подзатыльник, а он – в рев. Поди управься с таким цыплячьим выводком!

Да и потом, уже в хедере, попробуй-ка всех в узде удержать, за стол усадить, накормить, выгулять, а потом снова собрать, снова усадить да еще при этом и буквы показывать! Вот уж работенка так работенка – врагу не пожелаешь!

Но Йоэль не жаловался. Вскоре он превратился в красивого широкоплечего юношу. Глубина его темных глаз подчеркивалась бледностью – парень проводил много времени за чтением *Гемары*⁸ и изучением священных текстов. И хотя его детские и подростковые годы отнюдь не

---

³ Меламед – учитель в хедере.

⁴ 1 марта 1881 года царь Александр II был убит группой террористов из организации «Народная Воля» во главе с А. Желябовым и С. Перовской.

⁵ Хедер – еврейская религиозная начальная школа.

⁶ Бар-мицва (*ивр.*) – букв. «Сын заповеди». Церемония вступления мальчика в религиозное и правовое совершеннолетие. Проводится по достижении 13-летнего возраста.

⁷ Тфилин (филактерии) – молитвенные принадлежности: две коробочки из черной кожи, содержащие отрывки из Пятикнижия.

⁸ Гемара – свод толкований священных текстов.

отличались беспечной легкостью, а заполнены были трудом и учебой, здоровьем Йоэль вышел крепок и силен, как и многие тогда в еврейских местечках.

Так что на белый билет⁹ можно было не рассчитывать. В солдаты Йоэля Горовца забрали аккуратно в тот год, когда умер царь Александр Третий и на русский престол взошел его сын Николай Александрович. Армейская жизнь нелегка: тесная казарма с громогласным храпом десятков соседей, неподъемные от липкой грязи сапоги, тяжелые полевые учения, зубрежка устава, муштра и оплеухи, непривычная и некошерная¹⁰ еда... Но Йоэль, как мы знаем, никогда не был неженкой. Любые трудности он преодолевал с легкостью завидной: за что ни возьмется – везде один из лучших, один из первых.

А вот от гриппа не уберется; запущенная поначалу болезнь обернулась воспалением легких. Весь Пурим¹¹ солдат провалялся в военном госпитале. Началась весна; Йоэль, еще слабый и больной, выходил в больничный сад, вдыхал запахи просыпающейся жизни, свежей листвы и мокрой почвы, смотрел в прозрачную голубизну теплеющего неба, подставлял щеки легкому весеннему ветерку. Это вылечило его быстрее всяких лекарств.

Подошел Песах¹². Армейское начальство отпускало тогда еврейских солдат на праздничный седер¹³ в семьи местных евреев. Йоэля пригласили в дом Исая Рахмилевича. У хозяина оказалось три дочери: две младшие – близнецы и старшая Фейга – миловидная восемнадцатилетняя девушка. Сели за праздничный стол, накрытый по всем правилам.

Как и положено, Йоэль задал четыре традиционных вопроса из пасхальной агады¹⁴, а затем все хором спели «Рабами мы были...». Двойняшки, до того тараторившие без умолку, притихли и зашептались: еще бы – ведь, того гляди, зайвится важный гость – сам пророк Элиягу¹⁵. Фейга сидела, скромно потупившись, но исподтишка то и дело поглядывала на Йоэля: подтянутая фигура молодого человека, его кожаный армейский ремень и ярко начищенная медная пряжка с гордыми имперскими орлами не могли не произвести впечатления. Впрочем, бравый солдат тоже не прятал глаз: лицо Йоэля раздумянилось – не без помощи четырех пасхальных стаканчиков¹⁶ – и серо-голубые очи прелестной соседки наполняли его сердце нежным теплом. Что и говорить, военная служба пошла впрок скромному сыну меламеда – распрямила ему спину, расправила плечи. Какая девушка не засмотрелась бы на такого парня!

Исайя Рахмилевич с удовольствием потягивал сладкое пасхальное вино, Йоэль не отставал от хозяина. Праздничная трапеза была вкусна и обильна – радушная хозяйка любила и умела широко принять гостей. Пасхальный седер – длинная церемония; никто никуда не торопится, есть время и поесть, и выпить, а молодым людям – переглянуться, зацепиться взглядами, на секунду отвести глаза и вновь украдкой посмотреть друг на друга. Эта древняя, но вечно молодая игра трепещет над праздничным столом, как нежное прозрачное облако.

В дом Фейги Рахмилевич уже начали ходить сваты, но девушка не торопится выскочить замуж: прочитанные романы объяснили ей, какой должна быть настоящая любовь, и Фейга твердо намерена дождаться своего прекрасного принца. Родители тоже пока не требуют от любимой дочки поспешных решений.

⁹ **Белый билет** – документ, выдававшийся лицам, освобождаемым от воинской службы по состоянию здоровья.

¹⁰ **Кашерный (кошерный), кашрут** (*ивр.*) – дозволенность или пригодность. В обиходе понятие **кашрут** чаще всего связано с вопросом о пригодности пищи.

¹¹ **Пурим** – праздник в память о чудесном избавлении евреев Персии.

¹² **Песах** – весенний праздник в память исхода евреев из Египта.

¹³ **Седер** – праздничная пасхальная церемония, которую принято проводить в кругу семьи.

¹⁴ **Пасхальная агада** – сборник молитв, рассказов и песен, связанных с исходом евреев из Египта.

¹⁵ **Пророк Элиягу** – в русской традиции **Илья-пророк**. Считается, что в ночь праздника **Песах** Пророк Элиягу посещает дом каждого еврея.

¹⁶ **Четыре бокала вина** согласно ритуалу выпиваются при чтении Пасхальной агады.

А пасхальное вино туманит головы, и вот уже Йоэль запел сильным красивым голосом. Довольный хозяин подпевает гостю – седер получился на славу. Реб Исая Рахмилевич – человек образованный, он прекрасно знает и ценит современную еврейскую литературу: Ялага¹⁷, Михала¹⁸, Адама ха-Кохена¹⁹, Хаима Нахмана Бялика²⁰. Не чужд Рахмилевич и общественной деятельности – состоит в организации «Ховевей Цион».²¹

Два первых дня пасхальной недели провел Йоэль у Рахмилевичей и за это короткое время весьма приглянулся хозяевам. Реб Исая увлеченно обсуждал с ним галахические премудрости, сложные места из Гемары и многое другое. Да и в синагоге, куда Рахмилевич повел своего случайного гостя, сын меламеда показал себя с самой лучшей стороны.

После прощального обеда, когда отец семейства прилег отдохнуть, а мать отправилась на кухню мыть посуду, Йоэль и Фейга, наконец, остались в комнате одни – если, конечно, не считать двойняшек, по горло, впрочем, увлеченных своими играми. Притихнув, молодые люди смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Да и нужны ли слова, когда глаза говорят так горячо и красноречиво? Тонкие пальцы девушки теребили скатерть. Йоэль, осмелев, протянул руку и едва коснулся нежного запястья... Фейга вспыхнула, отдернула руку, вскочила и быстро вышла из комнаты. Выражаясь языком вышеупомянутых романов, сердце девушки было пронзено теми же самыми стрелами, которые когда-то поразили и ее дорогих, тогда еще молодых бабушек.

По окончании Песаха Йоэль возвратился в госпиталь. Нужно ли говорить, что прежде чем он покинул гостеприимный дом Рахмилевичей, влюбленная парочка еще не раз нашла возможность перекинуться взглядами и словами.

Время службы теперь летело как на крыльях; вот уже осталось всего несколько месяцев до демобилизации. В госпитале освободилась должность помощника санитаря. Грамотный и исполнительный Йоэль показался госпитальному начальству наиболее подходящим для этой роли. Сказано-сделано: главврач обратился по инстанции, и солдата Йоэля Горовца перевели на новое место службы. Там, в госпитале, он дотянул до конца свою армейскую ляжку.

Чем только ему ни пришлось заниматься – от ухода за тяжелоранеными до уборки, от купания больных до прислуживания офицерам. И тем не менее, это было не сравнить с казарменным режимом, который не оставлял солдату ни одной свободной минутки. Когда-то Йоэль не мог и подумать о том, чтобы высунуть нос на улицу; теперь же он успевал не только высказывать наружу, но и время от времени позволял себе свидания с красавицей Фейгой.

Восемнадцать лет – возраст, когда девушке пора уже подумать о *хуне*²², но своенравная Фейга упорно продолжала отказывать всем кандидатам в женихи. Щедрый Исая давно уже заготовил достойное приданое – по три тысячи наличными для каждой из дочерей. Так что недостатка в желающих посвататься не было. К Рахмилевичам, что ни неделя, навевывались то сваты, то претенденты. Попадались всякие – грамотные и туповатые, деловые и не слишком, с длинными пейсами и стриженные по столичной моде. Но никто из них не подходил Фейге. Озадаченные родители уже начали беспокоиться: при подобной разборчивости можно ведь и в девках остаться.

И вот неожиданно в один прекрасный, хотя и дождливый осенний день в доме Рахмилевичей появился Йоэль. Впрочем, для сияющей Фейги его появление явно не выглядело неожиданностью. Хозяевам же Йоэль пояснил, что срок его армейской службы подходит к концу, и

¹⁷ Ялаг – Йехуда Лейб Гордон (1830—1892) – поэт, прозаик, публицист.

¹⁸ Михал – Миха Йосеф Лебенсон (1828—1852) – поэт и переводчик.

¹⁹ Адам ха-Кохен – Авраам Дов Лебенсон (1794—1878) – поэт, отец Михала.

²⁰ Бялик Хаим Нахман (1873—1934) – выдающийся еврейский поэт, переводчик, публицист, общественный деятель.

²¹ Ховевей Цион (*ивр.*) – букв. «любящие Сион», в рус. традиции – **палестинофилы**. Движение за возвращение в Сион, основанное в 1884 году.

²² Хупа – покрывало, натянутое на четырех шестах, под которым, по еврейской традиции, происходит брачная церемония.

он зашел попрощаться перед отъездом. Впрочем, счастливые глаза дочери сразу выдали родителям истинную цель визита. Йоэля тут же пригласили за стол – вот и кофе для дорогого гостя, а вот и сладости...

Как это и принято в таких случаях, к главному делу долго не приступали; шла обстоятельная беседа о том, о сем, но тем временем в соседней комнате девушка уже признавалась матери в своих чувствах к молодому солдату. Сватовство Йоэля решилось моментально – да и стоило ли много говорить об этом! Ведь Горовец так понравился Рахмилевичам еще в дни Песаха. Не откладывая дела в долгий ящик, бросили об пол тарелки, подняли по стопке водки, благословили будущую пару традиционным «*Мазал тов*»²³ – вот и свершилась она, счастливая помолвка. А потом – чего тянуть-то? – набежали радостные портнихи: кому же не нравится шить на невесту и жениха? И вот уже стрекочет, не останавливаясь, швейная машинка «Зингер», лежат повсюду, куда ни ступишь, обрывки белой парчи, прозрачной кисеи, черного сукна. Мазал тов!

В день свадьбы пожаловали Моше-меламед с женой. Подарки новобрачным от родителей жениха были, конечно, скромными, но можно ли требовать большего от бедного учителя еврейских детей? «Главное, чтобы парень стал хорошим мужем. А меламедом... – меламедом он может и не быть, как-нибудь обойдемся, – думал Рахмилевич. – Была бы моя Фейгеле, дай ей Бог здоровья, счастлива. Дай Бог, чтобы прожили они в любви и согласии много-много лет!»

Молодой паре отвели две комнаты в двухэтажном доме Рахмилевичей. Это был счастливый брак по любви: Йоэль души не чаял в своей молодой жене, а Фейга знала, что не напрасно ждала и дождалась-таки своего желанного принца.

---

²³ *Мазал тов* (ивр.) – пожелание счастья.

Глава 2

Вскоре Фейга почувствовала, что станет матерью. Пролетели месяцы беременности – и вот, наконец-то, мазал тов! У Йоэля Горовца родился старший сын, а у Исая Рахмилевича появился первый внук. Весу в нем было десять фунтов²⁴ с лишком, почти одиннадцать. Через восемь дней, как и положено, мальчику сделали обрезание и дали имя – Шоэль сын Йоэля, а по-простому, по-ласковому – Шеилка. Произошло это в 1900 году.

Городок, где они жили, был не таким уж и маленьким. На берегу реки, огибавшей лес, стояла крепость с массивными железными воротами. Там квартировали офицеры и военнослужащие из размещенных поблизости армейских частей. Евреи в городке не роскошествовали, но и не нищенствовали: Господь не оставлял их своими милостями, и каждый крутился как мог, занимаясь своими делами, незаметно старея, и так же незаметно уходя из жизни, когда приходил тому срок.

Исайя Рахмилевич сдавал комнаты постояльцам, и это приносило семье кое-какой доход. Вдобавок, на первом этаже дома размещался магазин, который тоже, слава Богу, работал не совсем в убыток. Туда-то Исайя и определил своего молодого зятя. Довольно быстро стало ясно, что Рахмилевич не ошибся: Йоэль сразу проявил недюжинные способности, так что семейный магазин попал в надежные руки.

А новый век все набирал и набирал скорость. Год за годом взлетал над городком, расправлял крылья и исчезал безвозвратно. Еще вчера, казалось, радовались новорожденному, смотрели, как он прибавляет в весе, как глядит на мир удивленными темными глазками, как энергично сосет материнскую грудь, как улыбается и надрывает глотку, и вот – оглянуться не успели, а уже пошли первые зубки. Родители пели своему первенцу те же печальные колыбельные песни, которые издавна певали детям в еврейских местечках.

Прошло еще немного времени, и Фейга родила девочку, очень похожую на мать, но с глазами Йоэля – такими же темными и выразительными. Назвали ее Мирьям.

А жизнь текла по-прежнему. Реб Исая Рахмилевич тихо старел, почитывая талмудический сборник «Эйн-Яков»²⁵, газету «Ха-Цфира»²⁶ и журнал «Ха-Шилоах»²⁷, которые получал по подписке. Квартиранты исправно платили за проживание, так что с деньгами особых забот как будто не было. Неплохо шли и дела в магазине. Йоэль налаживал новые торговые связи, заключал успешные сделки, и даже киевские оптовые торговцы с удовольствием вели с ним дела.

Однако через пару лет спокойствие ушло, начались беспорядки и погромы. Увы, новый век стал для евреев временем жутких потрясений и жертв. Все его войны и революции плавали в потоках еврейской крови. Так начиналось двадцатое столетие, так оно продолжилось, и наш городок сполна испил эту страшную чашу.

Семейство Рахмилевич-Горовец чудом выжило во время первых погромов. Но с магазином пришлось расстаться: злобная погромная толпа все дочиста разграбила и разорила. Йоэль одним махом потерял все свое имущество; пропали товары, взятые в кредит у поставщиков, вместо процветающего магазина остались одни долги. Пришло банкротство, а с ним – тяжелые, голодные дни для семьи Горовцев. Пострадал и Исайя Рахмилевич, но, к счастью, у него

²⁴ **Фунт** (единица измерения веса в дореволюционной России) – примерно 450 грамм.

²⁵ «**Эйн-Яков**» – популярный в народе сборник сказаний и наставлений из Талмуда, составленный в XVI-XVII вв. рабби Яковом-Бен-Шломо ибн Хавивом.

²⁶ «**Ха-Цфира**» – газета на иврите, выходившая в Варшаве в 1861-1931 гг.

²⁷ «**Ха-Шилоах**» – литературный, научный и общественно-политич. журнал. Выходил в Варшаве, Одессе и Иерусалиме в 1896—1926 гг.

оставался дом и некоторые сбережения в банке на имя жены и дочерей. Жильцы по-прежнему платили за квартиру. Конечно, Исайя продолжал помогать Фейге и Йоэлю, но при этом не имел права забывать и о двух других своих дочерях – двойняшках Ципоре и Хане. Их тоже нужно было выдавать замуж, готовить им приданое, поддерживать в будущем.

Разоренным же Горовцам предстояло все начинать заново. Прежде всего, пришлось расстаться с прислугой. Отныне все заботы по дому и воспитанию детей легли на плечи Фейги. Молодая женщина трудилась изо всех сил, и, как показали эти тяжелые дни, сил у нее было не так уж и мало. Йоэль тоже не сидел сложа руки. Правда, магазин перешел к мужу Ципоры, Якову Урбаху. Но в свой первый год после свадьбы тот старался отмахнуться от скучных дел, так что торговлей по-прежнему занимался преимущественно Йоэль Горовец.

Постепенно разоренное предприятие пошло на поправку, что, конечно же, являлось исключительно заслугой Йоэля. И уж кто-кто, а Фейга этому не удивлялась. Она-то лучше других знала, что на мужа можно положиться во всем. Йоэль был не только любимым мужчиной и любящим отцом, но и надежнейшим другом. Вскоре в магазине снова воцарился порядок, полки заполнились новыми товарами.

Поначалу Йоэль работал один, а Фейга помогала ему, как могла. Но вскоре пришлось взять продавца, а затем и еще одного – ведь скоропортящиеся товары не могут залеживаться на полке. Торговля – непростое дело: нужно хорошо чувствовать покупателя, угадывать его желания, знать привычки, предвидеть спрос. Словом, работы у Йоэля было невпроворот. Зато магазин себя окупал, и вскоре в доме вновь появилась служанка.

И все же прежние хорошие времена ушли безвозвратно. Наличности у покупателей становилось все меньше, люди вынуждены были брать товары в кредит. Поэтому требовалось не только вести бухгалтерию, но и руководствоваться здравым смыслом. А здравый смысл напоминал, что торговля заключается не только в том, чтобы аккуратно составлять списки клиентов и их долгов. Продавец обязан хорошо представлять себе возможности каждого покупателя: можно ли давать ему в долг?.. не грозит ли ему банкротство?.. не душат ли его долги?..

К сожалению, Яков Урбах, который вернулся, наконец, к делам после растянувшегося почти на год медового месяца со своей молодой женой Ципорой, оказался ненадежным компаньоном. У него не только отсутствовал необходимый опыт, но и по характеру своему Яков оказался человеком несерьезным, что тут же выявилось в его поведении с должниками. Все его деньги были вложены в магазин, но он не умел распорядиться этим вложением. Яков полагал, что Йоэль поступает неосмотрительно, выдавая товары в кредит. Между мужчинами начались трения.

«Доброжелательные» советы со стороны многочисленных родственников Урбаха также не способствовали дружеским и компаньонским отношениям. Дела в магазине пошли значительно хуже, трения переросли в неприятные склоки, и, в конце концов, раздор охватил всю большую семью. Единственной опорой, якорем, скрепой, удерживающей семью от распада, стала в этот момент Фейга. Полная сил и энергии, обладающая недюжинной практической сметкой и умением ладить с людьми, она нередко помогала Йоэлю в переговорах с покупателями, а когда он уезжал за товарами, брала на себя весь магазин. Что и говорить, Горовцу было на кого опереться.

Тем временем реб Исайя Рахмилевич полностью отдалился от торговых дел. Доходов от квартплаты с избытком хватало на жизнь, все дочери успешно вышли замуж, на счету в банке все еще оставалось несколько тысяч, так что теперь старик мог позволить себе вздохнуть свободно. И Рахмилевич решил целиком посвятить себя тому, что давно уже его интересовало – общественной деятельности.

В те времена на огромном российском пространстве действовало много разных сионистских организаций. Работало сионистское общество и в нашем городке, и Рахмилевич был одним из главных его активистов. Собирались членские взносы, проводились собрания, рабо-

тала библиотека с художественными и национальными по содержанию книгами на иврите и на идише. В городке то и дело выступали со своими лекциями приезжие сионистские деятели. Ведь большинство евреев хотели бы оказаться в стране, где нет дискриминации, где есть возможность заработать на нормальную жизнь. Одни эмигрировали в Америку, другие уезжали в Палестину, чтобы создавать там новые поселения. Рахмилевич все это принимал близко к сердцу, радовался успехам и огорчался неудачам. Хотя в последнее время его больше всего огорчали ссоры между зятьями.

Между тем из-за отсутствия кредита покупатели все реже и реже навещали магазин. Клиентура уходила к конкурентам, выручка резко сократилась. Пришлось уволить одного продавца, сократить рабочий день другому. Работы в магазине становилось все меньше, и тогда Йоэль решил отделиться от своего родственника-компаньона и начать собственное дело.

Подходящее помещение нашлось быстро, причем не где-нибудь на окраине, а на главной улице городка. Все подсчитав и взвесив, Йоэль решил открыть магазин. Вот только где взять деньги? И Фейгеле снова обратилась за помощью к своему отцу. Рахмилевич помнил, что беды Йоэля начались из-за погромов, что в создавшемся положении нет вины зятя. Да и Фейгеле, любимая дочь, умела найти верные слова, безошибочно действующие на отцовское сердце. Исайя ссудил Йоэлю половину своих сбережений, и вскоре в городке открылся новый, оборудованный по последнему слову столичной моды магазин с великолепными витринами и блестящим оформлением, где покупателей встречали вежливые продавцы в красивой униформе. Но главное – новый магазин отпускал товары в кредит. К тому же цены были вполне приемлемыми. И покупатель пошел косяком – и горожане, и офицеры. Йоэль и Фейга работали не покладая рук, с утра до вечера. Фейга следила за порядком и занималась хозяйственными делами. Йоэль договаривался с оптовиками и постоянно колесил между большими городами и даже за границей в поисках новых выгодных сделок.

Что же касается Якова Урбаха, то он так и не осознал, как безвозвратно изменились времена. Честно говоря, он вообще мало что смыслил в торговых делах. Ципора родила девочку и вскоре снова забеременела. Супруги бездумно транжирили деньги, словно не замечая, что их становится все меньше и меньше.

А что же Хана – третья сестра? Ее муж Йехиэль Гинцбург был весьма романтичным молодым человеком мечтательного склада характера. Он с юношеских лет писал стихи и не видел причины, отчего бы не продолжать заниматься преимущественно этим и после свадьбы. Зато Хана, не откладывая, принялась по примеру своих сестер обзаводиться ребятишками. Первый из них, Реувен, родился слабеньким. Казалось, он не пропустил ни одной детской болезни, так что врачи Файертаг и Нейман постоянно гостили в доме Гинцбургов.

Горовцы и Урбахи проживали у Рахмилевича, а семья Гинцбург поселилась у родителей Йехиэля. Старый Гинцбург был человеком уважаемым, но небогатым. Как и его закадычный друг Исайя Рахмилевич, Гинцбург придерживался сионистских убеждений. Теперь друзья еще и породнились, а общий внук – маленький Реувен – сблизил их еще больше.

К сожалению, поэтическая натура Йехиэля мало помогала ему в торговых делах. Он с трудом закончил курсы бухгалтеров, и Гедалия Штейнберг, один из городских богачей, взял Йехиэля на работу, положив ему скромное жалованье – сорок рублей в месяц. Но зато именно Йехиэль стал ревностным читателем журнала «Ха-Шилоах», который по-прежнему выписывал Рахмилевич.

В первом десятилетии двадцатого века в еврейских местечках еще действовала инерция старых привычных законов. Внутренняя жизнь общины полностью определялась системой религиозных учреждений и должностей: синагогами и ешивами, раввинами и даянами, канторами и габаями, меламедами, резниками и моэями. В большом количестве издавались священные книги – Танах, талмудическая литература, сочинения раввинов, каббалистические тексты, сборники молитв и брошюры праздничной агады. Хватало и религиозных аксессуаров

– от *талитов*²⁸, *мезуз*²⁹, мацы и традиционных суккотних наборов до пуримских трещоток и ханукальных волчков. Любители еврейской старины собирали старые мелодии, появлялись и новые песни. У мозлей работы, слава Богу, хватало – с самого рождения жизнь еврея была тесно связана с религией. Не только молитвы, свадьбы и разводы, но все – вплоть до мытья рук до и после еды – совершалось по религиозным законам. И, конечно же, в последний путь еврея также провожала древняя поминальная молитва – *кадиш*.³⁰

Но тогда же появились и новые веяния; в местечках стало происходить все больше непривычного, немислимого раньше. Многие молодые люди отказывались жить по религиозным канонам, хотя и продолжали числить себя в евреях. Впрочем у них не получалось и выбраться из местечка: царские законы сильно затрудняли этот процесс. Мешали черта оседлости, процентная норма при поступлении в университеты, запреты на работу в сельском хозяйстве и в правительственных учреждениях и многое другое. Все это вызывало недовольство и раздражение.

Еще в конце предыдущего столетия среди евреев приобрели популярность две соперничающие идеологии – национальное движение и социализм. Молодых людей не устраивал традиционный религиозный подход, призывающий к смирению перед дискриминацией и жизненными невзгодами, когда истинное избавление от страданий становится возможным лишь после прихода Мессии. Верующий человек веками возлагал надежды на Господа – ведь это давало надежду и помогало терпеть. Но молодые евреи желали освободиться от горестей еще в этом мире – а социализм и сионизм обещали им именно это.

Первый, социалистический, путь привлек немало молодежи, увлеченной левыми лозунгами равноправия, которое, как предполагалось, должно было наступить сразу после свержения царского режима. Но и программа сионистов выглядела заманчиво для многих евреев – молодых и пожилых, богатых и бедных. Люди надеялись укрыться от жизненных тягот в стране света и надежды; ради этого они готовы были на все – даже на потерю разговорного языка. Так началась непримиримая конкуренция красного цвета с белоголубым. Власти со своей стороны не доверяли ни тем, ни другим: жестоко расправляясь с социалистами, они косо поглядывали и на сионистов.

Особенно тяжелыми для евреев были ограничения в получении образования. Родители тревожились за судьбы детей и не могли не задаваться вопросом: что ждет их в будущем? Врачи, адвокаты, инженеры и другие люди, имевшие высшее образование, казались простым евреям существами высшей касты. В еврейских местечках именно они являлись примером для подражания. Поэтому очень и очень многие мечтали, прежде всего, отправить сына или дочь в гимназию, а затем, если повезет, то и в университет.

Случалось даже, что ради этого меняли религию. Хотя это происходило все же нечасто: община, родные и самые близкие люди откровенно презирали выкрестов, и последним приходилось рвать корни, связывавшие их с собственной семьей, со своим народом. Но может ли человек жить без корней? Выкресты пытались – зачастую неудачно – прижиться на чужой почве, стать своими в другом народе, который вовсе не торопился принимать в свое лоно чуждых и неприятных ему людей с их неистребимым акцентом, непонятными привычками и прочими характерными признаками инородства. Оставив один берег, они так и не пристали к другому, а потому трудно приходилось выкресту в России.

Что же тогда оставалось желающим учиться? Выход нашли в открытии частных гимназий и школ; впрочем, право на это тоже имели далеко не все. Большинство учеников в этих новооткрытых учебных заведениях составляли евреи. Кроме того, в каждом городе и местечке

²⁸ **Таллит** – молитвенное облачение еврея: особым образом изготовленное прямоугольное покрывало.

²⁹ **Мезуза** – свиток пергамента со священным текстом, прикрепляемый к косяку двери в еврейском доме.

³⁰ **Кадиш** (*ивр.*) – заупокойная молитва.

находились частные преподаватели – тоже преимущественно евреи, которые обучали еврейскую молодежь в соответствии с программами реальных школ и гимназий.

Так обстояли дела в дорогом нашему сердцу местечке в детские годы Шоэля Горовца. Чего только не бывало: случались и мелкие перемены, и большие перевороты, но ни на минуту не ослабевала и не отпускала людей рука Всевышнего. Зато люди продолжали выбиваться из сил в погоне за заработком. Полный магазинов и прилавков, рынок то бурлил густой толпой, то пустел – да так, что не найти там было ни единой живой души. Скучающие лавочники зевали в ожидании покупателей, вокруг лениво бродили собаки. Ветер таскал по пустой площади сухую траву и мусор, заметал соломой лошадиный помет и коровьи лепешки.

И лишь высокое небо оставалось вечно чистым и беспорочным – с его густой синевой и перистыми облаками, плывущими в лучах весеннего ласкового солнца. Порой небо сердилось, темнело и затягивалось тучами, пугало молниями и раскатами грома, проливалось освежающим ливнем, моросило осенним дождем. По ночам в его бархатной черноте, крадучись и отбрасывая серебряные блики, плыла белая луна. А в конце лета звезды слетались на свой ежегодный карнавал и танцевали, скользя и мерцая на золотой, теряющейся в космосе дорожке. Лишь оно, небо, оставалось символом чистоты и надежды для парней и девушек из захолустного местечка.

Век потихонечку, год за годом, продвигался вперед, и Шеилка рос вместе с ним. От отца он унаследовал темные пронизательные глаза, прямоту и достоинство, от матери – добрую улыбку, с которой она смотрела на все, что происходит в этом мире.

В пять лет Шеилку отправили в хедер, положив, таким образом, начало его нелегкой дороге к вершинам знания. Меламед Песах стал учить мальчика грамоте, знакомить с первыми ивритскими словами, которые, впрочем, не использовались тогда в разговорном языке. За изучением Торы месяц за месяцем и год пролетел. А вскоре пришли и успехи в письме и основах грамматики – всему учил детей терпеливый меламед.

О, Песах, мой учитель и ребе! В те далекие печальные годы учился и я в его тесном хедере – пером, как резцом в камне, высекал ивритские слова, бусинками нанизывал букву за буквой и бережно укладывал их в свою тетрадь, в длинные наклонные строчки. Учился читать древние сказания хуммаша³¹ и переводить их на идиш. Шеилка Горовец был тогда моим другом, и мы вместе несли на своих детских плечах груз предыдущих поколений. Мы жили на одной улице, и вместе возвращались домой зимними вечерами. Под ногами скрипел снег, плотно покрывавший деревянный тротуар, и слабое пятнышко света нашего фонаря освещало нам крошечный кусочек дороги. Едва теплится огарок свечи, и в дрожащем его отблеске мы с трудом находили свой путь. Ночь, кромешная ночь, окутывала нас непроницаемой мглой...

Вот Шеилка возвращается домой из хедера, поднимается по лестнице, открывает дверь. В комнате лишь четырехлетняя сестричка Мирьям. По сравнению с ней он уже большой мальчик, и при надобности чувствует себя вправе надавать ей тумаков. Но сейчас, войдя в теплый дом после ночного пронизывающего холода, Шеилка рад даже ее несмышленной болтовне. Он терпеливо выслушивает все «последние новости» малышки. Надо полагать, что это не самые главные новости в мире! Шеилка снимает пальто, пылают покрасневшиеся с мороза щеки... – не сглазить бы, но у этого мальчика все шансы вырасти в красивого парня.

– Где папа? – перебивает он болтовню сестрички.

Отца своего Шеилка уважает и любит, как никого в этом мире. Но Йоэля еще нет, он задерживается по делам.

– Ну, как прошло сегодня, Шеилка? Досталось от Песаха? – лукаво спрашивает Фейга.

---

³¹ Хуммаш – Пятикнижие, пять книг Торы.

Признаться, меламед отличался вспыльчивым характером – чуть что не так, мог и оплеуху отвесить. Хотя учителем он был добросовестным.

– Нет, мама, сегодня пронесло, – улыбается мальчик, украдкой потирая ушибленное место: с утра он успел-таки схлопотать пару-тройку подзатыльников.

Как хорошо дома зимним вечером! Над столом, заливая комнату мягким и теплым светом, висит большая керосиновая лампа. Уютно горит огонь в печке; ты пристраиваешься поблизости. Рядом с тобой – мама в домашнем синем переднике, рядом с нею ты чувствуешь себя уверенно, как за каменной стеной. Между мальчишками случаются выяснения отношений, после которых приходишь весь в синяках – мама всегда утешит, вылечит ссадины целебным поцелуем, намажет вареньем кусок хлеба, усадит, прижмет к себе. Как приятно положить голову к ней на колени, на любимый синий передник! Для нее ты навсегда останешься маленьким ребенком, никогда не вырастешь...

Но вот слышатся шаги, и входит отец. Шеилке нравится, когда папа гладит его по макушке, обнимает за плечи. Мама накрывает на стол, зажигается керосиновая лампа на провощенной цветной салфетке, все рассаживаются по местам. Отец произносит положенное благословение. Слава Богу, в семье Горовцев никто не страдает отсутствием аппетита – разве что Мирьям капризничает: успела небось полакомиться до еды конфетками! Она еще совсем ребенок, у нее маленькие ножки и до смешного кукольные ботиночки – вот она сидит кукла-куклой, болтает и языком, и ногами. И не просто болтает, а норовит достать под столом братнюю ногу! Возмущенный Шеилка лягается в ответ, да так сильно, что даже лошадь извозчика Менделя не постыдилась бы. Нет, вы только посмотрите: эта нахалка еще начинает реветь! Кто начал первым? Кого наказывать? Ну надо же – опять виноватым объявляется он! Не зря говорят, что взрослые все видят в перевернутом виде...

Во рту у Шеилки пока не хватает зубов, но он старательно пережевывает ужин. Отцу сейчас не до детей – он говорит с матерью о делах. Всегда какие-то дела! Еще и противная шалунья Мирьям не унимается – снова ищет под столом ногу брата. Правда, на этот раз она осторожничают, боится опять получить сдачи...

Но вот ужин закончен, служанка убирает со стола. Слышится звук льющейся воды, на кухне моют посуду.

– Что вы учили сегодня в хедере, Шеилка? – спрашивает отец.

Внимание отца ценно – жаль, что тема не так интересна. А учили они *«Парашат хашаву»*³² – недельную главу Торы.

– *И поселился Яаков в стране пребывания отца своего, в земле Кнаанской...*³³ – декларирует Шеилка.

– А, *Вайешев*, продажа Йосефа! – восклицает Йоэль. Завязывается беседа – мальчик задает вопросы, Мирьям с интересом слушает. Фейга, тут же, за столом, приводит в порядок шеилкины штаны. Нелегко с этим парнем – все на нем буквально горит – ботинки, одежда... пуговицы так и летят. Ничего на поделаешь: таково занятие у еврейской мамы в вечернем семейном кругу – пришивать пуговицы. Мирьям тем временем вставляет свои наивные замечания. Например, о том, что она ничуть не хуже праведника Йосефа. Подумаешь, Йосефу снились сны... – у девочки тоже есть о чем порассказать. А что до йосефовой полосатой рубашки, так ведь и для Мирьям мама сшила голубое платье с желтыми полосками, еще и покрасивее. Впрочем, когда Мирьям слышит, что Йосефа бросили в яму и продали за двадцать серебряных монет, девочка замолкает, на ее глаза-вишенки наворачиваются слезы.

³² *Парашат хашаву* (ивр.) – недельная глава Торы. Отрывок из Пятикнижия, читаемый каждую субботу во время молитвы в синагоге.

³³ Первые слова Вайешев – 37-й главы из книги Бырэйшит (Бытия), в пер. Д. Йосифона.

Йоэль Горовец, отставной помощник меламеда, любит при случае растолковать детям события из еврейской истории. А знают ли Мирьям и Шеилка, что Йосеф не всегда был праведным цадиком? В юности он болтал много лишнего, наговаривал на братьев отцу, Якову, и оттого братья его не любили. Вот как нехорошо быть сплетником и ябедой! Однако когда Йосеф подрос, и ему открылось истинное значение вещей, тут-то он стал истинным цадиком.

А вот и реб Исая Рахмилевич. Старик любит заходить к своей старшей дочери. На столе появляется чайник, Фейга наполняет чашки. Взрослые снова возвращаются к своим скучным делам. Неугомонная Мирьям проказничает и дергает брата. Еще под впечатлением от отцовского урока, Шеилка старается не злиться и стойко выносит все ее шалости. Дети играют, смеются. А где смех, там и слезы – внезапно девочка начинает плакать, и Шеилка снова получает выговор от отца: не пристало, мол, большому мальчику обижать маленькую сестренку...

Эх, да что они, взрослые, понимают? Она же специально выводит его из себя! Но нет, Шеилка ни за что не станет ябедничать, как юный Йосеф! Жаль, что, пока он не подрос, придется терпеть эту царящую в мире несправедливость...

Затем дедушка удаляется к себе, мама прикручивает фитилек лампы, комнату затягивает мягкий полумрак. Мирьям уже спит, Шеилка тоже раздевается, залезает под прохладное одеяло. Холодно, но это пройдет. Мальчик закрывает глаза, и в это время отец подходит к его кровати пожелать спокойной ночи.

Как хорошо с папой! Шеилка проваливается в сон – глубокий, без сновидений. Мерно отбивают свой ход настенные

часы. Днем их совсем не слышно, но сейчас, в ночной тишине, они каждую секунду напоминают о своем существовании. Фейга задувает фитиль, гаснет большая лампа. Комнаты погружаются в темноту. Через какое-то время мороз начнет рисовать причудливые ледяные узоры на оконных стеклах. Вокруг затаилась зимняя тишина, и только откуда-то издалека доносится лай собак.

Глава 3

Шеилке исполнилось двенадцать, подросла и шалуныя Мирьям, а с ними подросли и заботы. Меламед Песах сделал свое дело – научил мальчика читать и писать, познакомил с Танахом. Настало время перевести Шеилку в другой, куда более подходящий хедер, который открылся в городке в том же году. Конечно, это тоже произошло по инициативе местной сионистской организации, внес свой вклад и реб Исая Рахмилевич.

Для нового хедера арендовали большое трехкомнатное помещение, заказали у столяра скамьи для учеников – одну на двоих – невиданная роскошь. Из большого города приехали учителя – Барух и Хана Шкловские и привезли с собой пианино. Хана играла Листа, Чайковского, а также душевные еврейские мелодии. У нее было приятное лицо и светлые ласковые глаза.

В классе помещалось около двадцати мальчиков десяти-двенадцати лет. На стене висела доска; учительница и ученики писали на ней мелом слова на иврите. На этом же языке велось и все обучение. Это было новым для нашего городка – детскими устами происходило возрождение древнего языка. Язык Книги начал выходить из долгого забвения, в разных уголках страны появлялись смельчаки, готовые упорно бороться за будущее иврита.

В первые годы, когда новому-старому языку надо было застолбить место под солнцем, его брату – идишу пришлось слегка потесниться. Это вызвало немедленные раздоры между приверженцами двух языков – речь шла о борьбе за существование. Мало-помалу возрождаемый иврит стал потихоньку укореняться среди еврейской молодежи.

Барух и Хана Шкловские как раз и были такими преданными ивриту первопроходцами, учениками Элиэзера Бен-Иехуды³⁴, одного из самых выдающихся борцов за возрождение разговорного иврита. Возможно, что именно благодаря таким людям, как в свое время – рабби Йоханану Бен-Заккаю³⁵, и сохранился народ наш от ухода в небытие.

Барух Шкловский умел ладить с учениками. Он никогда не повышал голоса и, тем не менее, без особых усилий мог поддерживать дисциплину в классе. Шеилка попал в надежные руки. Здесь учили иврит, грамматику и Танах, а также математику, природоведение и музыку. Последние две дисциплины преподавала Хана.

Вспыльчивый меламед Песах из прежнего хедера оказался на поверку совсем неплох: Шеилка был отнюдь не худшим учеником в своем классе. Его природное любопытство помогало легко усваивать новое. Барух Шкловский объяснял ясно и доступно, уроки велись по заранее разработанной программе, на каждый день недели имелось четкое расписание. Занятия начинались в девять утра и продолжались до трех. В перерывах дети играли во дворе.

Не отставал Шоэль Горовец и в играх, и в других школьных мероприятиях. Вскоре его выбрали старостой класса в помощь учителю.

О, благословенные годы юности! Учителя устраивали экскурсии на природу, причем, не только в день «*Лаг ба-омер*»³⁶, но нередко и просто на выходные. Хана знакомила детей с миром растений. На поляне разводили костер, трапезничали, пели песни на иврите. Лес вокруг слушал и удивлялся: этот язык не звучал здесь с самого сотворения мира...

Число учащихся постепенно росло; вскоре открылся класс и для девочек. Но власти отнеслись к новой еврейской моде подозрительно. Взятки не помогали: всем так или иначе

---

³⁴ **Бен-Иехуда Элиэзер** (1858, Лужки, Литва, – 1922, Иерусалим) – пионер возрождения иврита в качестве разговорного языка.

³⁵ **Рабби Йоханан Бен-Заккай** (I в. н. э.) – основатель духовного центра в Явне после разрушения Второго храма. Его деятельность сыграла решающую роль в сохранении иудаизма как основы самобытного существования еврейского народа.

³⁶ **Лаг ба-Омер** – еврейский праздник, имеющий исторические традиции. В этот день обычно разжигаются костры.

ручку не позолотишь – над исправником стоял пристав, над приставом – еще кто-то, дальше – чиновники еще более высокого ранга. В результате была отправлена кляуза в городскую управу, затем донос в Петербург, и школу закрыли по приказу высокого начальства.

Ходили упорные слухи, что из-за кляузы торчат уши местных традиционных меламедов. Новая школа представляла для них нешуточную конкуренцию, а чего не сотворишь ради заработка? Всего лишь год и просуществовала ивритская школа в местечке, а вот, поди ж ты – успела зародить в молодых душах неистребимый интерес к древнему языку, протянуть надежную связь с далеким, но все еще живым прошлым, зажечь негасимую свечу на долгом трагическом пути поколений...

Итак, школа закрылась. Шансов попасть в русскую гимназию практически не существовало. Что оставалось делать? Мысль послать Шоэля в Палестину впервые пришла в голову его деду Исаяе Рахмилевичу. Там, в молодом городе Тель-Авиве, открылась ивритская гимназия «Герцлия»³⁷, куда съезжаются на обучение дети со всех стран диаспоры. К тому же стало известно, что вскоре после праздников туда направляется группа учеников из Одессы в сопровождении одного из преподавателей «Герцлии».

Шоэлю уже исполнилось тринадцать. Когда дед вынес свое предложение на семейный совет, оно обсуждалось совсем недолго. Йоэль согласился сразу, а Фейга, хотя и обеспокоилась не на шутку, не стала перечить решению мужа. Ясно, что матери трудно согласиться отправить сына в столь дальние края! Но все вопросы, касающиеся образования детей, традиционно решал отец. Роль Фейги ограничилась, таким образом, материальной подготовкой шеилкиного путешествия. И она собрала сына в дорогу так, что он не замерз бы и на северном полюсе: в огромном, набитом до отказа бауле едва умещались теплая обувь, толстые шерстяные рубашки, подбитое ватином пальто...

Впервые в жизни Шоэлю предстояло ехать на поезде и потом еще и плыть на пароходе! Мальчик чувствовал себя как во сне. Сколько новых вещей и картин предстояло ему увидеть! Вот огромная Одесса, где они с отцом остановились в гостинице «Россия». Вот трапеза – кошерная рыба в гостиничном ресторане. А за его стенами шумят улицы, грохочут телеги, как бешеные, проносятся машины, слышатся непривычные пугающие звуки. Тут и трамвайные звонки, и автомобильные сирены, и стук лошадиных копыт, и скрип, и визг колес, и шум шагов многолюдной толпы... Сумасшедший, суматошный город!

Однако не меньше суматохи было и на палубе парохода «Иерусалаим» в день отправления. Шоэль присоединился к группе учеников «Герцлии», которую возглавлял учитель Душман – молодой человек с коротко подстриженной бородкой. Он вез своих подопечных в Тель-Авив, куда они возвращались после летнего отпуска в России. Ребята говорили на иврите с сефардским произношением. К ним и присоединились новенькие, а среди них – Шоэль Горовец.

Прозвучал третий гудок, пришло время расставания. «Иерусалаим» отчаливает от пристани, отец остается внизу на причале. Люди прощально машут платками, кидают в воздух шапки, благословляют пароход, отплывающий в страну предков. Пароход медленно отходит – все дальше, дальше...

вот уже почти не различить провожающих, вот уже и сама Одесса остается вдалеке, еще немного – и Россия исчезает за горизонтом.

Теперь вокруг – лишь море, солнце и синева, облака и звезды. Пароход останавливается в Куште, Измире, Салониках, на греческих островах, в Бейруте. В каждом из портов «Иерусалаим» стоит в течение долгих часов. На лодках подплывают мелкие торговцы, карабкаются на борт, наперебой предлагают разные товары – главным образом, южные фрукты. По вечерам чужие города превращаются в гирлянды сверкающих огней. Шеилке отведено место на дере-

---

³⁷ «Герцлия» – первая светская гимназия на иврите, открытая в Тель-Авиве в начале 20-го века.

вянной полке третьего класса, в трюме. Но неудобства не смущают мальчика: группа ребят из «Герцлии» держится вместе, скучать не приходится. Шоэль наслаждается музыкой беглого иврита и без труда привыкает к сефардскому произношению. Как хорошо стоять на борту и смотреть на длинную, вскипающую пеной борозду, тянущуюся за пароходом, любоваться на упругие прыжки дельфинов, пытаться разобрать их послания на беззвучном дельфиньем языке, которые они оставляют в морском воздухе, прежде чем снова исчезнуть в синей глубине...

На Святую землю направлялись и паломники из Болгарии. Вечерами они пели грустные балканские напевы, и питомцы «Герцлии» не отставали, затягивая в ответ свои ивритские песни. Шоэль подпевал.

И вот настал день, когда Душман воскликнул:

– Галилейские горы! – и указал на горную грядку, синевшую на востоке.

Шоэль вскинул голову. Сердце его забило, как если бы он увидел материнский дом. На палубу парохода Русско-палестинской компании «Иерушалаим» высыпала возвращающаяся в Палестину молодежь, хором затянула песню: «О, родная земля, дорогая земля!..»

Стояла осень, над землей стлался несмелый утренний свет. Пароход бросил якорь, спустили трап, и вот уже дети сидят в лодке, которая доставит их на берег. Еще немного – и ноги Шоэля ступят на эту древнюю землю. Яффский порт кишит людьми. Смуглые, темнокожие, в красных фесках, бритые и с косицами на затылках, грузчики, торговцы, дети, закутанные в покрывала женщины, лошади, ослы, верблюды... – все это пестрое разнообразие двигалось туда и обратно, гудело, издавало пронзительные гортанные звуки. Разноголосый шум восточного порта, море до горизонта, плеск опускающихся в воду весел и крепкие, обнаженные торсы гребцов, крики торговцев фруктами и напитками, запах жареных каштанов и горы сладостей, – поистине, то была дивная и пестрая мозаика цветов и звуков.

Дорога от Яффы до Тель-Авива заняла немного времени. Шоэля поселили в пансионе Липсона, неподалеку от гимназии. Сам Липсон был невысоким человеком плотной комплекции, с проседью в светлой бороде. В его добротном двухэтажном доме проживали ученики гимназии «Герцлия», большинство которых приехали сюда из России. По три раза в день ученики собирались в столовой. Меню не отличалось изысками, но зато в пансионе царил дух товарищества и неподдельной сердечности. По субботам и в праздничные дни в зале наверху проходила общая молитва, и однажды Шоэль, сын Йоэля, тоже удостоился чести подняться на биму.³⁸

В «Герцлии» введено совместное обучение, и Шоэль засматривается на одноклассниц – ему нравится девочка по фамилии Вольфсон. Вот так – юнцу едва исполнилось тринадцать лет, молоко на губах не обсохло, а уже спешит туда же – напрямик по дороге любовных шипов! Так в жизни маленького Шеилки появились первые сердечные муки, хотя по правде говоря, они нисколько не мешали ему крепко спать по ночам.

Здание гимназии возвышалось над боковыми арочными крыльями-флигелями. В одном из двух ее больших отделений, помещавшемся на втором этаже, шли занятия по утрам. Просторные коридоры, тихие и безлюдные во время уроков, наполнялись в перерывах шумной толпой гимназистов. Шоэль учился в третьем классе, изучал иврит, математику, Танах, арабский и французский языки, географию, историю.

Обязательными были также уроки пения и физкультуры. Физкультурой дети занимались во дворе. Преподаватель Орлов – подтянутый статный парень, учил их гимнастическим упражнениям на брусках. Шеилка любил эти тренировки под открытым небом. Рядом шумело Средиземное море; волны весело накатывались на берег и, тихо урча, возвращались назад. Учитель

³⁸ **Бима** – возвышение в синагоге, на котором стоит стол (или особого рода пюпитр) для чтения свитка Торы.

пения, человек с лицом восточного типа и черными, подернутыми влагой глазами, приносил на урок небольшую ребристую гармонь.

Директора гимназии звали Мосинзон³⁹ – милый чернобородый дядька, вылитый Герцль. Классным руководителем Шеилки был Ледрер, высокий, сухопарый, усатый и с бородой, по моде тех времен. Были в гимназии и другие учителя. Многие из них давно покинули нас, да и воспоминания сильно потускнели за прошедшие пятьдесят лет. Но мы, преданные любители иврита, и сейчас низко склоняем головы перед памятью о своих первых наставниках...

Если быть честным, то не так уж легко приходилось юнцам, оторванным от привычного домашнего очага. На приготовление домашних заданий и упражнений уходило много времени, вдобавок ребятам приходилось постоянно заучивать наизусть множество стихотворений. Друзья по пансиону и гимназии любили не только душевно поговорить, но и частенько спорили, обсуждая интересующие их темы. И конечно, Шоэль не смог бы прожить там без книг – страсть к чтению осталась у него потом на всю жизнь.

По субботам Шоэль старался не пропустить общую молитву в пансионе – тогда он еще проявлял религиозное рвение, которое сильно поумерилось позднее. Затем следовал обед, после которого иные ученики предпочитали поспать часок-другой по-стариковски. Но наш герой был совсем не таков. Он любил выйти на улицу, прогуляться в субботней тиши, приятной душе после шумных будней. На берегу Шеилка садился на валун и долго-долго смотрел на далекий горизонт, туда, где небо смыкается с водой.

Тихо напозлали волны, растворяясь в песке, рассыпаясь по гальке. Их шуршащее движение завораживало, и хотелось бесконечно смотреть, как морская пучина неумоимо выплескивает и снова поглощает громадные фиолетовые массы воды. Но наступала пора идти в гимназию, где ученики по субботам читали вслух рассказ, загодя подготовленный учителем. Шоэль кидал в море прощальный камешек и уходил. В одну из таких суббот настала и его очередь прочитать рассказ из журнала «Моледет».⁴⁰

В гимназической программе обучения нашлось место и футболу. Шоэль играл за свой класс. Футбольное поле находилось за городом, песчаная площадка была плохо приспособлена для игры, но футбол есть футбол, и азартные крики игроков далеко разносились по всей округе.

К вечеру, когда Шоэль неспешно возвращался в пансион, наступал пик ночной жизни города, когда жители Тель-Авива семьями высыпали на улицы. Повсюду и везде, на улицах и площадях, бульварах и тротуарах, звучала разноязычная речь, но, тем не менее, иврит уверенно прокладывал здесь свою дорогу.

Тепло и славно было Шоэлю в прекрасной стране предков. Праздничные дни отмечались в большом зале гимназии, украшенном гирляндами цветов из бумаги и разноцветными фонарями. До поднятия занавеса, предворяя представление, звучали песни на иврите. Но вот звенит колокольчик, и начинается концерт. Выступает оркестр, его сменяют хоровой и танцевальный ансамбли, звучат стихи... Особенно Шоэлю нравилось художественное чтение в исполнении гимназиста Варди.

Незаметно проходят счастливые месяцы, заполненные учебой и музыкой, солнцем и зимними дождями. Миновали тевет и шват⁴¹, наступила весна, желанная, прекрасная. То ни с чем не сравнимое чувство, когда поутру, еще не успев проснуться, ты чувствуешь, какой праздник у тебя на душе. Ты умываешься, завтракаешь вместе со всеми, кидаешь в сумку тетради и книги и идешь в гимназию. Весна царствует на небе и на земле. Прозрачный воздух напоен хмельным

³⁹ Доктор Бенцион Мосинзон (1878—1942) – директор гимназии «Герцлия» с 1912 по 1941 г.

⁴⁰ «Моледет» (*ивр.*) – ежемесячный журнал для молодежи на иврите, издававшийся в 1911—1928 гг. в Яффо и Иерусалиме.

⁴¹ **Тевет, Шват** – название месяцев по еврейскому календарю. Приходятся на зиму.

ароматом кричаще ярких южных цветов. Рядом – лишь протяни руку – шумит веселое море, на горизонте застыла парусная лодка, и щедрое солнце благословляет тебя каждым своим лучом.

Вокруг мелькают смуглые лица, загорел и Шоэль. Весь мир, словно смеясь от радости, приветливо кивает мальчику. Он в шортах и белой рубашке, на ногах легкие сандалии. Солнце, воздух и ветер ласково скользят по его телу, вокруг кипит густая, интересная, замечательная жизнь. Поднимаются и зеленеют первые ростки ивритской жизни после ее рокового падения в бездну истории, празднуется ее возвращение из двухтысячелетнего изгнания. Юный Шоэль не мог тогда думать об этом, как не ведал и того, что был одним из посланцев разбросанного по всему миру народа, на который уже надвигалась угроза полного уничтожения.

Глава 4

О начале Первой мировой войны Шоэль Горовец узнал по дороге из Кушты в Одессу. Тот же пароход «Иерусалаим» той же Русско-палестинской компании вез группу учеников «Герцлии» на каникулы в Россию. Дурная весть отозвалась в душе тревожным беспокойством, приглушив радостное ожидание, царившее среди молодежи.

За год Шоэль подрос – стройный, загорелый четырнадцатилетний юноша в широкополой соломенной шляпе. Йоэль Горовец приехал в Одессу встречать сына. Стоял светлый летний день. В синем небе застыли облака, похожие на глыбы замерзшего пара. По одесским улицам двигалась длинная шумная демонстрация. Несли флаги России, портреты царя, православные иконы, пели «Боже, царя храни», «Слава, слава государю», слышались здравицы за веру, царя и отечество.

Эту ночь отец и сын провели на Арнаутской, у сестры Йоэля, Гиты Эпштейн. Йоэль приехал в Одессу еще и по делу: с началом войны ожидалось подорожание, поэтому те, кто поумнее, загодя запасались товарами. Предоставленный самому себе, Шоэль бродил по Одессе в своей соломенной шляпе. Демонстрации продолжались, хотя понемногу теряли свой первоначальный запал.

Приход субботы отец и сын встретили в Бродской синагоге, где выступал знаменитый кантор Пиня Минковский – полный человек лет пятидесяти, с черной бархатной кипой на голове. В зале, освещенном сверкающими хрустальными люстрами, играл орган. В синагогальном хоре участвовали и женщины. Минковский пел по нотам в сопровождении хора и органа. Иногда он вставлял в пение обычную ежедневную молитву, исполняя ее без нот, но почему-то именно она находила особый отклик в душах людей. На следующий день Горовцы отправились в синагогу Явне.

Впрочем, Йоэль развлекал сына не только в религиозном духе. Вечером они сходили с Гитой в городской сад на концерт в пользу семей резервистов. Оркестр играл Чайковского и Римского-Корсакова, выступали вокалисты, среди которых Шоэлю особенно понравилась очаровательная Иза Кремер⁴², певшая еврейские народные песни.

Война в Одессе еще не ощущалась. В ресторанах и кафе, на рынках и улицах толпился народ, а на пляжах и вовсе негде было яблоку упасть. На Пушкинской, Ришельевской и Дерибасовской торговцы фруктами выставляли свой товар на продажу: ряды лотков тянулись вдоль стен домов. Тяжелые ломовые лошади тянули телеги, полные мешков и ящиков.

Но вот, наконец, с делами покончено, можно ехать домой. Что и говорить, приезд Шоэля был самым важным событием в маленьком городке! Фейга и Мирьям, бабушка и бабушка, да что там!.. – вся семья встречала Шеилку на вокзале. Подумать только, как быстро растут мальчики после бар-мицвы! Вот он выходит из вагона – высокий загорелый юноша в соломенной шляпе. В голосе его уже прорываются взрослые нотки. Только глаза не изменились – по-прежнему яркие, распахнутые. Слезы гордой радости мешают Фейге наглядеться на дорогого сыночка.

Мирьям же, как была, так и осталась болтушкой, но тоже подросла, изменилась. Как все-таки приятно вернуться домой! Вечером вся родня – и стар и млад, а также несколько близких друзей собрались в доме Йоэля. Пришли Урбахи, пришли Гинцбурги. Фейга постаралась на славу, стол ломился от угощений. Шеилку посадили во главе рядом с отцами семейств. Парень смущался и все сбивался на сефардский иврит. Сама не своя от счастья, Фейга радушно угощала гостей.

---

⁴² **Иза Кремер** (1887—1956) – известная певица, артистка оперы и оперетты. Эмигрировала в 1919 г., пела на лучших сценах Европы и Америки.

– Тебя не понять, Шоэль! Ну же, говори на идише! – просят собравшиеся героя вечера.

Конечно, местным евреям не очень-то знаком сефардит. Но Шоэль уже не хочет говорить на идише, он приехал из страны иврита и за год почти отвык от «мамэ-лошен». ⁴³

– Отвык? Так мы тебе напомним! – и гости тянутся к рюмкам, а вместе с ними и реб Исая с удовольствием глотает купленную в монополюшке водку. Вздвигнутый Йоэль в который уже раз провозглашает «*лехаим*» ⁴⁴ в честь сына.

– Говори на идише, разбойник! – шумят гости. – Эй, Фейгеле! Уговори-ка свое драгоценное чадо перейти на понятный язык.

Но Фейга и не думает вмешиваться, ей не до этого, ее лучистые глаза искрятся от счастья. Шеилка тоже хлебнул немного водки. На земле израильской принято пить легкое вино «Кармель», но здесь, в России, предпочитают горилку, градусы которой мгновенно зажигают душу. Напились все – даже бухгалтер Йехиэль и старый Гинцбург, – чудеса! Даже Яков Урбах веселится от души! А где веселье, там и песня – вот уже все вместе затянули песню на иврите:

– Там, на родной земле отцов...

Фейга сияет. Как хорошо, как радостно собраться всей семьей...

Городок наш находился недалеко от границы, и с началом войны некоторые семьи оставили свои дома и переехали в украинскую глубинку. Количество беженцев росло, а для Йоэля вновь настали трудные дни. Он продолжал продавать товары в кредит, но многие покупатели уехали, так и не рассчитавшись с ним. В тот год многие предприятия разорились, пострадал и магазин Горовца. Он потерял две трети своего состояния. В Одессе Йоэль приобрел чересчур большое количество товаров, приближалось время оплаты, а денег не было. Зато потери Якова Урбаха оказались терпимыми: его магазин был невелик, и он не любил давать в кредит.

Между тем немецкие войска заняли часть Польши. Война – войной, но дети продолжали учиться. Тогдашний российский министр образования граф Игнатъев увеличил процентные нормы для евреев-беженцев в государственных школах. Отныне любой еврей со статусом беженца мог поступить в среднюю школу. Превратился в беженца и Йоэль. Продав магазин со всеми его товарами, продавцами и долгами, семья Горовец переехала в родной город Йоэля, где когда-то работали меламедами его отец, дед и прадед. Местечко располагалось далеко от фронта, и жизнь здесь шла по-прежнему неторопливо.

Говорят, перемена места – к перемене удачи. Чем же заняться на новом месте? Городок небольшой, лавок в нем уже больше, чем надо. К тому же Йоэль знал по опыту, что обустройство хорошего магазина требует немалых средств. Поразмыслив, он решил открыть в городке столовую. Идея Горовца основывалась на том, что три дня в неделю местный рынок заполнялся крестьянами из окрестных сел, и горячая пища была бы для них в самый раз. Вдобавок, по причине военного времени через городок постоянно проходили военные части, останавливались на постой и также представляли собой возможную клиентуру. Да и местным жителям хорошая столовая не помешала бы. Так рассуждал Йоэль, а деловая интуиция редко его подводила.

Главная проблема заключалась в том, что он был крайне ограничен в средствах. Исая Рахмилевич, который был привязан к своему дому и остался в родном городке, помог Йоэлю и на сей раз, но очень малым. Горовец снял помещение рядом с рынком, привел его в порядок, сделал ремонт. На кухне поставили большую плиту, приобрели посуду – тарелки и стаканы, ложки и вилки, кастрюли и сковородки, скатерти и солонки. Шмуэлевич, хозяин мебельного магазина, дал в кредит столы и стулья. Над входной дверью повесили вывеску, на которой красовалась свежая надпись: **СТОЛОВАЯ**. Еще одна вывеска оповещала: **ДОМАШНИЕ БЛЮДА – ЗАВТРАКИ И ОБЕДЫ – БУФЕТ**

---

⁴³ **Мамэ-лошен** (ивр.) – букв. «мамин язык» – имеется в виду идиш.

⁴⁴ **Лехаим!** (ивр.) – букв «за жизнь!» Это пожелание обычно сопутствует каждому тосту.

И сразу же завертелись дела, появились заботы. Фейга Горовец, – а ей было в ту пору уже тридцать пять лет – взяла на себя работу по кухне, Йозель занялся снабжением и следил за порядком. В официантки же он взял свою сестру. Столовая заработала сразу после праздника Песах 1915 года. В рыночные дни многие крестьяне приходили сюда попробовать блюда, которые готовила Фейга. Заглядывали в столовую и жители городка, и военные.

Фейга и Йозель работали с рассвета до поздней ночи. Шоэль был им в этом не помощник: его ждали экзамены, и он усиленно готовился. Родители наняли для сына репетитора – учителя Шнеурмана, сороколетнего холостяка и любителя широко пожить. Про него рассказывали, что он заядлый картежник и выпивоха, а к тому же еще и дамский угодник. Впрочем, это не мешало Шнеурману быть отличным преподавателем.

Горовцев волновало прервавшееся образование старшего сына. Поскольку учеба в «Герцлии» стала невозможной из-за начавшейся войны, Йозель и Фейга ухватились за другой вариант – русскую гимназию. А так как Шоэль считался беженцем, было решено послать его в Одессу. Горовец списался с Гитой, и та согласилась взять Шеилку к себе. Летом 1915-го года юноша отправился к тетке. Перед отъездом в Одессу в дополнение к Шнеурману родители пригласили еще одного репетитора, с которым Шеилка усердно занимался, готовясь к вступительному экзамену.

В то время в Одессе было шесть гимназий, и каждая из них имела свои особенности. Незадолго до шеилкиного приезда сюда перевели Люблинскую гимназию, разместившуюся в помещении бывшей Второй гимназии. Ее учителя и администрация переехали из Люблина в полном составе, но какая же гимназия без учеников! В газетах напечатали объявления о приеме, и еврейские юноши, в основном беженцы, массами устремились туда. Оказался среди них и Шоэль. По истории его экзаменовал сам директор гимназии. Вышло так, что как раз накануне Шоэль перечитал учебник Платонова – главу о царе Петре Алексеевиче и его сестре Софье, о неудачном заговоре против Петра, казни стрельцов и заточении Софьи в Новодевичий монастырь.

И вот Шоэль подходит к экзаменационному столу, во главе которого сидит господин директор, в черной форме с блестящими медными пуговицами. У него надменное морщинистое лицо, прилизанные редкие волосы – типичный чиновник, наглухо застегнутый и полный собственного достоинства. Бесцветные глаза смотрят на стоящего перед ними юношу, взволнованного, но готового к борьбе за свое будущее. В Люблине, как и в Одессе, не было недостатка в евреях. Их дети настойчиво стучались в двери гимназий обоих городов. Там, у себя в Люблине, директор был тверд как камень, поэтому число учеников-евреев всегда соответствовало процентной норме. А теперь Министерство образования, возглавляемое Игнатьевым, вдруг ни с того ни с сего разрешило евреям-беженцам учиться...

– Расскажи о первых днях правления Петра Великого! – послышался скрипучий голос экзаменатора.

Вот и не верь после этого в чудеса! Прочитанные накануне страницы платоновского учебника каждой буквой своей стоят перед глазами Шоэля. Помнит их и директор – вытянувшийся перед ним еврейский юноша пересказывает текст с поразительной точностью, слово в слово! Дрогнула душа старого преподавателя:

– Достаточно! – останавливает он Шоэля и что-то записывает в блокнот.

Это была победа! Шоэля Горовца приняли в русскую государственную гимназию. В городок летит телеграмма, в доме Йозеля большой праздник. Свершилось! Внук местечкового мела-меда выходит на широкую жизненную дорогу.

Глава 5

Как мы знаем, скромный меламед не оставил детям наследства – его семья и без того едва сводила концы с концами. Старшая сестра Йоэля Батья рожала и растила детей, ее муж Хаим был служкой в синагоге, а брат Йоэля Цви-Гирш работал на железнодорожной станции. Лее, последней из детей, исполнилось восемнадцать лет – ее-то и взял Йоэль к себе в столовую официанткой. Еще одна сестра, Гита, жила, как уже было сказано, в Одессе. Пожалуй, стоит вспомнить и о том, как она туда попала.

Начнем с того, что меламед Моше Горовец не располагал никакими средствами. Зато все его дети имели на редкость привлекательную внешность, а Гита так и вообще выделялась своей красотой. Однажды в местечко приехал по своим делам сын одесского лесоторговца по имени Цадок Эпштейн. Как-то в субботний день он увидел на улице Гителе Горовец – она проходила мимо со своими подружками. И хоть на девушке было простенькое платье и стоптанные башмаки, Эпштейн сразу понял, что перед ним драгоценная жемчужина, не каждый день встречающаяся на пути.

Гита мгновенно пленила сердце отнюдь не робкого одессита. Казалось бы, что может быть общего между сыном богатого лесоторговца и дочкой нищего местечкового меламеда? Но поистине неисповедимы пути Господни! Прошло две недели, Цадок закончил свои дела в городке, настала пора возвращаться в Одессу. Но он почему-то не торопился – не иначе и вправду чудо как хороши были в нашем местечке летние вечера, когда прохладный ветерок пьянил молодые головы благоуханием цветов.

И вдруг – как гром с ясного неба – грянул чудовищный скандал! Подумать только: дочка меламеда и богач-безбожник из Одессы тайно встречаются! Слух мгновенно разлетелся по местечку. Дошел он и до ушей Моше-меламеда. Ой-вэй! Что же делать?! Причитая и негодуя, меламед посадил неразумную дочь под замок – пусть сидит взаперти, пока этот Цадок не убежится восвояси!

Только плохо он знал Цадока. Тот без труда смог открыть дверь, а может, и окно, – выкрал красавицу Гиту из отцовского дома! Да как ловко: не успела весть о похищении дойти до ушей меламеда, как наша парочка уже мчалась в Одессу. Вот каким хитрым наглецом оказался этот Эпштейн! Мало того, на следующий день в дом меламеда пришло письмо.

«Реб Моше, – писал нахальный разбойник. – Не шумите, и вам не придется стыдиться. Я забрал Гиту, и, если Богу будет угодно, женюсь на ней в соответствии со всеми нашими законами. Пожалуйста, не переживайте и не ругайте нас...»

Письмо безбожника, что и говорить! Поди знай, выполнит ли он обещание! В доме Моше-меламеда наступил траур. И вдруг через несколько дней Горовцы получают новое письмо – уже от Гиты и Цадока, да и родители похитителя приписали от себя несколько строк. В конверт были вложены свадебные фотографии, а на них – красавица Гителе, вся в белом, стоит под хупой, нежнее и чище ангела, а справа от нее – Цадок в черном костюме, при бабочке и в цилиндре. Такова история сватовства Гителе, о которой девушки городка долго потом рассказывали завистливые легенды. У Гиты было доброе сердце, и она не забывала своих, посылая время от времени домой небольшие деньги, которые всегда приходились кстати для бедной семьи.

Вот в этом-то доме тети Гиты и поселился наш дорогой Шеилка. Цадок Эпштейн оказался на редкость щедрым человеком, обожал приключения, любил поездить по свету. Но в то же время он обладал завидной практичностью, которая влияла на жену, так что Гита тоже теперь смотрела на жизнь весьма разумно.

В те годы люди в Одессе были помешаны на музыке, поэтому еврейские дети все как один брали уроки игры на скрипке или на фортепьяно. Не отставать же от других! – и Эпштейны,

недолго думая, насильно усадили за клавиши своего сынишку Арика. Благо, пианино фирмы Беккера давно уже собирало пыль в эпштейновской гостиной. Отныне жизнь семьи наполнилась бесконечными гаммами и арпеджио.

Бедняжка Антонина Дмитриевна, дававшая уроки Арику, испытывала, по-видимому, не меньше мук, нежели ее непригодный для этого дела ученик. Мальчик возненавидел уроки музыки, и сколько его ни просила, ни уговаривала мать, – все было бесполезно. Планы Гиты сделать из сына пианиста оказались безуспешными: Арик всем своим существом противился занятиям. Тогда Гита пошла на хитрость, и у Антонины Дмитриевны появился еще один ученик – Шеилка.

К радости Эпштейнов, ход получился удачным. У Шеилки с первого же дня все заладилось. У него выявился замечательный слух, и оказались послушные, наделенные природной гибкостью пальцы. Глядя на него, неожиданно подтянулся и Арик. Шоэль же в самое короткое время догнал и перегнал своего кузена, так что учительница уделяла ему все больше и больше времени. Юноша чувствовал и понимал музыкальный язык, а податливые пальцы и желание работать обещали новоиспеченному музыканту хорошие перспективы.

Наступает зимнее утро, за окнами забрезжило, хотя в столовой, где спит Шеилка, еще совсем темно. Окна выходят на Арнаутскую; улица постепенно просыпается, уже слышны голоса, стучат лошадиные копыта, отбарабанил свое короткий ливень... Все эти звуки словно вспарывают плотный туман, нависший над городом. Шоэль открывает глаза и какое-то время лежит без движения. На часах уже восемь. Служанка Поля суетится на кухне, из соседней комнаты доносится сонный голос Арика. Подумать только – мальчишке восемь лет, а он все просится к матери под одеяло! Шоэль, не привыкший нежиться в постели, одевается.

Позавтракав, тетя Гита с Ариком выходят погулять. В доме наступает тишина – самое время готовить уроки: математику, историю, природоведение... да еще и выучить наизусть отрывок из стихотворения.

*Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна...*

Шоэля не особенно привлекают эти занятия, но он положил себе за правило прежде всего избавляться именно от неинтересных уроков. Терпение составляет одно из главных свойств его характера, поэтому он упорно повторяет и повторяет стихотворение, пока оно окончательно не укореняется в памяти. К одиннадцати часам все домашние задания приготовлены. Шеилка складывает тетради и книги в школьную сумку и садится за пианино. На упражнения ему отводится два часа, по часу утром и вечером. Комната наполняется звуками, словно цветами.

Шеилка вдыхает их аромат; он по-настоящему наслаждается удивительными музыкальными переливами, когда звуки, как лепестки, собираются вместе и закрываются в дивный бутон, и тут же вдруг распадаются и стихают, словно опадая с цветочного стебля. Сколько изумительных тайн таит в себе пианино!

В полдень тетя Гита с Ариком возвращаются домой. Шоэль уже закончил свои гаммы и упражнения, и сейчас пришла очередь Арика позаниматься. Мальчик мужественно садится на круглый вертящийся стул, и Гита поднимает сидение. Лицо мальчика не выражает никакого желания дотрагиваться до клавишей, но Гита присаживается рядом.

– Давай, Арик, начали!

Но Арику вдруг срочно хочется пить. Потом ему приспичивает в уборную. Мальчик прямо оттягивает момент начала своего мучения, мать сердится и теребит его.

А Шоэль в это время читает рассказ Эзры Гольдина о еврейском демоне⁴⁵. В юноше крепко засел иврит – в гимназии «Герцлия» он получил такой мощный заряд, которого хватит до конца жизни. Но вот слышатся неприятные скрежещущие звуки – это Арик приступил к своим упражнениям. Гита сидит как на иголках, фальшивые ноты мешают и Шоэлю. Он встает, подходит к Арику и пробует ему помочь. Удивительно, но мальчик слушается Шеилку, его непослушные пальцы начинают потихоньку работать.

Потом в гостиную выходит Поля: «Обед!». Стол накрыт, пар поднимается над тарелками с горячим супом, Гита и дети рассаживаются по местам. Шоэль уже взрослый, с ним не возникает никаких сложностей, но вот с непоседой Ариком спокойствия не видать – он капризничает, отказывается есть, его приходится уговаривать. Трудно матери с избалованным мальчиком...

В половине второго Шоэль берет сумку и торопится на улицу. Там стоит привычный гвалт, и скрип, и визги, звучит русский одесский говор вперемежку с еврейскими интонациями. Кусты мимозы облепили дома с обеих сторон. Мальчик добирается до гимназии и заходит в класс. А здесь тоже своя жизнь – тридцать учеников, по двое на каждой скамье, каждый со своим норовом и увлечениями.

Сосед Шоэля, Боря Шульберг, обожает приключенческие рассказы, зачитывает и перечитывает их до дыр. В особенности он любит детективные истории с похождениями сыщиков и шпионскими страстями. Его герои во сне и наяву – это Шерлок Холмс, Нат Пинкертон, Ник Картер⁴⁶. Иногда Боря читает прямо на уроках и попросту забывает, где находится, что, конечно, ужасно сердит учителей. Его увлекают описания жутких ситуаций, таинственных убийств; вместе с сыщиками он шаг за шагом ведет сложные расследования, вьет вокруг преступника паутину неопровержимых фактов, ловит волнующий момент, когда опасный злодей наконец понимает, что тайна его раскрыта! Шоэль тоже не пропускает детективы, хотя и знает, что это отнюдь не вершина литературного творчества. И все бы ничего, если бы чтение этих книжек, как бы быстро они ни проглатывались, не отнимало столько драгоценного времени...

Прозвучал звонок, и в класс входит учитель математики Александр Иванович – высокий, с большим выдающимся вперед кадыком. Каштановые волосы падают ему на лоб, и Александр Иванович отбрасывает их резким движением головы. Его сменяет учитель русской литературы Козлов, пожилой человек, которого любят ученики. У него седые усы и красноватое лицо. Затем идет латынь; ее преподает Ярема, инспектор гимназии, небольшого роста, с брюшком. Он работает по собственной методе, используя учебник, который сам же и написал. Ярема любит пошутить, но глаза у него какие-то недобрые, так что шутки не вызывают смеха.

Учебная программа включает и «Закон Божий». От этой дисциплины ученики-евреи освобождены – вместо нее изучается история еврейского народа по книге Дубнова⁴⁷. Но могут ли эти занятия заменить Шоэлю памятные уроки в далекой «Герцлии»?..

Вечереет, заканчивается последний урок. Ученики выбегают из школы, начинают дурачиться, кидать друг в друга сумками. Наконец, утомившись, расходятся. Шоэль возвращается домой со своим другом Шульбергом. Они одеты в русскую гимназическую форму: серо-зеленую шинель с блестящими пуговицами, на голове – фуражка с лаковым околышком и металлической кокардой желтого цвета. По дороге мальчики взахлеб пересказывают друг другу всевозможные истории. У Бори это чаще всего оказываются грабители, врывающиеся в банк в масках и с пистолетами в руках.

---

⁴⁵ Имеется в виду известный роман Эзры Гольдина «Из недалекого прошлого» (Варшава, 1901).

⁴⁶ Шерлок Холмс, Нат Пинкертон, Ник Картер – сыщики, герои сотен брошюрок с текстами дешевых приключенческих «романов с продолжением» (первый не имеет ничего общего с героем Конан-Дойля).

⁴⁷ Дубнов, Шимон Меерович (1860—1941) – известный историк, автор капитальных трудов по истории евреев.

Друзья идут по зимнему холодному городу. Улицы покрыты крепким снежным настом. На столбах висят фонари, но они едва освещают дорогу. Магазины все еще открыты, и в окнах светло. Шоэль украдкой всматривается во встречаемых молодых женщин. Юноша подрос, созрела и плоть; каждая женщина для Шоэля теперь – неразрешимая загадка. В этом отношении шестнадцатилетним юношам приходится нелегко...

– Пошли ко мне! – соблазняет Шеилку Борис. – Могу дать тебе Пинкертона до завтра.

Но помимо Пинкертона у Бориса есть еще и сестра Хана, которая моложе брата на полтора года. Шоэль давно уже с тайным интересом поглядывает на нее и потому рад приглашению. Хана учится в государственной женской гимназии. Она уже дома и в момент прихода ребят занимается приготовлением уроков.

– А, Шееле! – небрежно кивает она.

У девочки круглое улыбочное личико с умными еврейскими глазами, подстриженные волосы перехвачены белой шелковой лентой. Но Хана еще слишком юна, чтобы догадаться, какие чувства терзают юношу.

– Боря! – зовет она брата.

Тот вздыхает: сейчас сестра снова будет приставать с вопросами по математике, к которой у нее нет никаких способностей. А Боре вовсе не до математики – в голове его еще стоит картина ограбления, грабители в масках размахивают пистолетами, а знаменитый сыщик Пинкертон готов броситься навстречу смертельной опасности. Зато Шоэлю не до бориных сыщиков. Улыбающееся лицо Ханы тревожит его сердце, каждое ее слово эхом отзывается в душе, словно голос какого-то высшего существа. Он грубовато перебивает борины восторги:

– Ладно, чего рассказывать, дома прочту.

Шеилка засовывает книгу в сумку, и тут Хана вдруг говорит:

– Шееле! Может, ты мне объяснишь?

Стараясь выглядеть равнодушным, Шоэль подходит к девочке:

– Покажи вопрос!

Он изо всех сил пытается не выдать своего смущения, но как прикажешь щекам не краснеть? В горле тоже пересохло, и теперь Шеилке кажется, будто тысячи глаз смотрят только на него! Три юных головы склоняются над ханиной тетрадкой...

Выйдя из бориного дома, Шоэль останавливается во дворе. С одной стороны, он сердится на самого себя: то, что с ним происходит – типичные гимназические глупости! С другой – ему интересно: что происходит сейчас там, за тюлевыми занавесками? Что Шульберги говорят о нем, что думают? Вот Хана поднялась со своего места, и за дымкой легкого тюля хорошо виден ее милый силуэт и лента на голове.

А дома Шоэля ждет письмо от мамы, в котором она сообщает, что отца призвали в армию. Ему уже около сорока, но подошла и его очередь. Война затянулась, госпитали забиты ранеными, медицинского персонала не хватает. И военный санитар Йоэль Горовец призван на службу в екатеринбургский тыловой госпиталь.

Так Фейга осталась одна с маленькой Мирьям на руках, и с большой столовой на плечах. Но сколько бы тягот ни наваливала жизнь на дочь Исая Рахмилевича, та всегда обнаруживала поистине безграничный запас сил. Управляющая столовой, хозяйка дома, одинокая солдатка – Фейга отважно бралась за все, и все у нее получалось.

Минул 1916 год. Еще немного, и в измученной России начнутся грандиозные перемены. А пока Николай Второй разъезжает по большим городам для поднятия народного духа. Навещает он и Одессу вместе со всей императорской семьей – женой, дочерьми и наследником престола Алексеем. Городская дума организовала торжественную встречу. Ученики гимназий также вышли поприветствовать царя и его свиту. Был там и наш Шоэль Горовец. Когда машины царского кортежа медленно проезжали мимо, учащиеся сдергивали с головы фуражки и, в едином порыве выбрасывая руку, кричали: «Ур-ра!». Эти крики восклицательными знаками

застывали в неподвижном воздухе... Впрочем, когда это было, и было ли вообще? Все давно прошло и быльем поросло. Судьба царской России была к тому времени уже решена.

Глава 6

Шоэль ездил домой три раза в год: в Песах, на летние каникулы и на Новый год. В купе вагона четвертого класса набивались гимназисты и студенты из небогатых семей, теснились плечо к плечу, лежали на трех широких полках, одна над другой. Стоял кислый запах дешевого табака. Колеса стучали по рельсам, молодое сердце радостно откликалось на паровозные гудки, эхо возвращалось из неоглядных далей лежащей за окнами заснеженной страны. В грязном купе светились глаза, студенты смеялись, пели:

*От стакана вина не болит голова,
А болит у того, кто не пьет вина...*

В компании попадались остроумные ребята, дышалось хорошо и радостно, душа летела к будущему неперемennomу счастью. И хотя Шоэль никогда не считался особенным весельчаком, но, когда пели остальные, подпевал и он:

Проведемте, друзья, эту ночь веселей...

Звучал и неперемонный студенческий гимн *Gaudeamus*.⁴⁸

В проходе на мешках и ящиках сидели крестьяне, воздух пропах запахами махорки и дыма. Плакали дети, на верхней полке спал под серой шинелью солдат, рядом стояли костыли. Но эта близкая – лишь руку протяни – полная страданий жизнь казалась Шоэлю бесконечно далекой. Да и можно ли не чувствовать себя счастливым, когда ты так молод, и вся твоя душа наполнена ожиданием будущего счастья!

Кончался 1916-ый год; в поезде Шоэль узнал об убийстве Распутина. Газеты напечатали фотографию убитого: грубоватое лицо, широкий нос, пронзительные глаза и большая борода. Открыто говорилось о том, что пока русская армия терпит поражение за поражением, императорский двор погряз в безобразном распутстве и расточительстве. Все знали, что «старец» пользовался любовью и особым доверием царской семьи, поэтому в народе его считали виновником чуть ли ни всех российских бед. Естественно, что убийство Распутина вызвало широкий отклик по всей России и особенно в действующей армии.

Утром поезд прибыл на станцию, где Шоэля встретила его младшая сестра Мирьям. Увидев ее, Шоэль удивился и обрадовался: девочка год от года хорошела и набирала в росте. Мирьям бросилась на шею брату, чмокнула, широко и белозубо улыбнулась. Перед Шоэлем была уже далеко не та прежняя непоседливая болтушка, которая когда-то пинала его под семейным столом.

Снег накрыл городок, иней леденел под ногами, на крышах, на ветвях деревьев, на пешеходных дорожках. Вот взмывает откуда-то стая ворон, разрывая мутный воздух хриплым карканьем. Из труб валит дым. Приезд Шеилки пришелся на базарный день, а потому Фейга не смогла даже встретить сына – иначе пришлось бы закрыть столовую. Городской рынок битком забит людьми – так что и повернуться негде: Рождество, всем нужны продукты и подарки!

Крестьяне то и дело захаживают в столовую погреться и перекусить. Бедняжка Лея-официантка с ног сбилась, бегая с подносом. Фейга здесь же, но у нее голова не на месте – сегодня она ждет сына! А вот и они пришли, ее славные дети – и брат, и сестра, вместе, как когда-то... На кухне шумно, дымно, Фейге и шагу не отойти от раскаленной плиты. Пахнет украинским борщом и жареными котлетами. Незнакомая женщина лет тридцати моет в тазу посуду.

---

⁴⁸ *Gaudeamus* – известный студенческий гимн.

Это Паша-служанка, которую Фейга взяла в помощь после отъезда Йоэля. В угарном кухонном чаду встречает Фейга любимого сына, глаза ее светятся от счастья.

Шеилка обнимает мать, а на сердце щемит: изменилась его вечно молодая мама, утомила ее тяжелая работа на кухне – вон, и морщинки появились... Неужели она стала меньше ростом? Да нет же, глупости! Это сам Шоэль так вымахал! Мать с сыном смеются и шутят, держатся за руки, забыв обо всем, не обращая внимания на шум и запахи. Ох! – откуда это так сильно запахло жареным мясом?

– Ой, котлеты! – вскрикивает Фейга и, оставив сына, бросается к плите. Она добавляет в сковороду масла, переворачивает котлеты... – уф, слава Богу, кажется, успела! Паша тем временем уже закончила мыть посуду, она медленно протирает ложки и вилки и смотрит на высокого юношу. Удивленный Шоэль успевает поймать на себе ее странный, полный непонятного выражения взгляд.

– Ну, *киндерлах*⁴⁹, домой! – велит Фейга. – Я приду через два часа!

Она скороговоркой напоминает дочери, что подать брату на завтрак: сметану, яйца, хлеб с маслом, кофе, печенье и яблоки. Брат и сестра уходят. Как приятно вернуться домой и пройтись по знакомым улочкам местечка! Первое смущение Мирьям прошло, и она живо выкладывает брату все местные новости. Как когда-то и все же – иначе. Слушая сестру, Шоэль снова убеждается, что нет уже прежней болтушки, и эта красивая четырнадцатилетняя девушка начала, похоже, неплохо разбираться в том, что происходит вокруг.

Они входят в дом, где заждались Шеилку родные запахи, вещи, книги, воспоминания... Вот фотографии Смоленскина, Бялика, Переца, Жаботинского, Шолом-Алейхема... – все они, как и прежде, на своих местах. Со стены глядит Герцль, на полках выстроились книги на иврите, напечатанные в издательствах «Мория», «Ахисаф», «Тушия»⁵⁰: Танах, Талмуд⁵¹, антология «Эйн-Яаков», тома подшивки журнала «Ха-Шилоах», полные собрания сочинений Менделя Йегуды Штейнберга...

Накрывая на стол, Мирьям продолжает говорить о разном, и, словно бы невзначай, вспоминает Фаню Шмуэлевич, как раз накануне интересовавшуюся, когда, наконец, Шоэль приедет в отпуск. Вот уже и завтрак на столе.

– Садись, Шееле! – зовет сестра.

Но Шоэль все стоит у книжной полки, бережно поглаживая книжные переплеты. Что-то невыразимо грустное – до комка в горле – чудится ему в этих ивритских книгах... Может быть, встреча с ушедшим детством?

Теперь, за завтраком, приходит черед Шоэля рассказывать о жизни в Одессе, о тете Гите, о Цадоке, о смешном балбесе кузене Арике и о многом другом. Он рассказывает о своем друге Борисе Шульберге, о его забавном увлечении шпионами и сыщиками, но почему-то умалчивает о Хане... Мирьям, затаив дыхание, слушает старшего брата, глядит на него своими чудесными, похожими на вишни глазами.

Где же письма отца? Сестра приносит Шоэлю толстую, перевязанную ленточкой пачку. На прекрасном идише Йоэль описывает свою армейскую жизнь, город Екатеринбург, работу в госпитале, лютые уральские морозы. Фейга в своих письмах забрасывает мужа домашними и столовскими проблемами, просит совета по поводу любой мелочи, как если бы он находился рядом – чтобы помнил, не забывал ни о чем. Зато каждое свое письмо этот пожилой солдат заканчивает словами: «... сердечный поцелуй от преданного до конца жизни мужа».

⁴⁹ *Киндерлах* (*идши*) – дети.

⁵⁰ «Мория», «Ахисаф», «Тушия» – издательства светской литературы на иврите, конец XIX – начало XX вв.

⁵¹ *Талмуд* – уникальное произведение, включающее свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма (III–VII вв. н. э.).

Взволнованный Шоэль читает отцовские письма, а Мирьям куда-то отлучается из дома. Теперь совсем тихо, только бьют в положенное время старые, знакомые с детства часы. Вот и мама пришла. В честь приезда сына Фейга закрыла сегодня столовую пораньше. А пока она хлопочет по дому и собирает на стол, не расскажет ли сыночек о подробностях своей одесской жизни, об учебе в гимназии, об уроках музыки?

У матери с сыном давний общий язык, они всегда понимали друг друга и умели разглядеть смешное. Как не посмеяться, например, если Шоэль так уморительно описывает кислый вид важного директора, перекатывающийся кадык Александра Ивановича, плоские шутки Яремы? Известно Фейге и то, что всеобщим любимчиком в гимназии считается учитель Козлов. Но Бог с ними, с учителями... а вот что Шееле ест, сколько времени спит, как проводит свободное время? Наконец появляется раскрасневшаяся с мороза Мирьям. Где же она была? Но надо ли приставать к ней с расспросами? Могут ведь быть у девочки свои небольшие интересы... Так, слово за слово, ложка за ложкой проходит обед, вот уже и на исходе короткий зимний день. Разве можно сравнить стряпню Поли в Одессе с тем, как готовит мама!

А что Мирьям? Оказывается, она бегала по родным и знакомым, оповещала о приезде брата. Поэтому, едва за вечерело, в доме стали собираться родственники и друзья. Пришли тетя Батья и тетя Лея, пришли два ближайших шоэлевых друга Миша и Зяма, и, конечно же – Фаня Шмуэлевич, удивившая всех своей высокой замысловатой прической. Под кружевным воротничком платья мерцает нитка жемчуга. Лицо у Фани красивое, выразительное, а глаза полны тем особенным выражением, с каким девушки обычно выходят на тропу войны, охотясь за мужскими сердцами.

Фейга поставила на стол угощение, но молодежь даже не взглянула на него: заиграл граммофон и зазвучал модный вальс «На сопках Манчжурии». Ребята отодвинули стол, чтобы освободить место для танцев. Смотрите-ка, Фаня Шмуэлевич, похоже, даже не знает, что такое смущение – вот она уже тянет Шоэля за руку, чтобы станцевать с ним. Фейга и Батья сидят, смотрят на молодежь и не нарадуются. За вальсом следуют краковяк, падэспань, венгерка, гопак... Молодежь плясала и веселилась допоздна.

Хорошо в родном доме, жаль только, что дни так быстро летят. А тут еще как-то ночью к Шоэлю в постель скользнула Паша – та самая работница, помогавшая Фейге по дому и в столовой и с самого начала положившая глаз на красивого гимназиста. Этой ночью Шоэль впервые познал женщину, стали реальностью его беспокойные юношеские сновидения.

Но веселое время каникул стремительно сокращается, и Фаня Шмуэлевич устраивает у себя дома встречу Нового года. Хотя этой девушке всего семнадцать, она уже умеет схватить за хвост удачу, добиться своего. Может, это оттого, что Фаня единственный ребенок у своих родителей, а чего не сделаешь ради любимого чада? Правда, каждый из участников вечеринки сделал свой небольшой взнос, но основная нагрузка по устройству вечера легла все же на плечи Фани и ее семьи. В полночь гости подняли бокалы и встретили 1917 год, пожелав друг другу всего самого доброго. Было славно, пели песни, танцевали, играли в фанты. И как-то само собой выпало Шоэлю поцеловать Фаню. Поцеловал – несмело, но все же...

Скоро утро, новый год начинает свой путь по миру. Разгоряченная молодежь выходит на улицу, под светлеющее небо. Вот уже просыпаются жители, в окнах зажигается свет. Укрытый снегами городок мирно лежит под холодным украинским небом, легкий предрассветный ветерок по-хозяйски проверяет притихшие улицы, ощупывает крыши, шевелит заиндедевские деревья, похлопывает по заборам. Евреи уже поднялись и, воздав хвалу Создателю, отправляются на работу. Синагогальный служака Хаим растопил печь. Пора зажигать свечу, потому что вот-вот соберется первый *миньян*.⁵²

⁵² **Миньян** – кворум, состоящий, как минимум, из десяти взрослых мужчин, необходимый для общественного богослужения и религиозных церемоний.

Глава 7

Жизнь Шоэля в Одессе продолжает идти своим чередом: дом тети Гиты, пятый класс Люблинской гимназии, фортепианные занятия, чтение ивритских и русских книг, которые он берет в библиотеке общества «Просвещение». Он читает Бердичевского и Урбаха, Арцыбашева и Менделеева, Толстого и «Воспоминания о Доме Давидовом». Все это глубоко входит в сознание юноши и навсегда откладывается в его душе. Зато Боря Шульберг по-прежнему бредит приключениями великих сыщиков.

В начале марта в Одессу приходят первые слухи о создании в Петрограде Думского Комитета во главе с Родзянко. Главой Временного правительства стал князь Львов, министром иностранных дел – Милюков, а Керенский сделался министром юстиции. Возник Совет рабочих депутатов. Одновременно арестовали членов прежнего правительства – Штормера, Сухомлинова, Протопопова и их товарищей. Потом вдруг объявили об отречении Николая Второго и о созыве Учредительного собрания, в задачу которого входило установление новой власти в будущей России. В городе бесконечной чередой пошли собрания и съезды, демонстрации и митинги, речи и овации, лозунги и декларации, непрерывная агитация, громогласные заявления.

Меньшая часть населения – аристократы, высокопоставленные чиновники, богачи, полицейские и служащие тайной полиции были страшно напуганы сотрясением государственных основ – земля под ними заколебалась. Зато большинство народа радовалось, ожидая перемен и улучшения жизни. Седьмого марта в Одессе состоялся парад местного гарнизона, и Шоэлю удалось пробраться на Соборную площадь. Начальник штаба округа, генерал Маркс, с красной перевязью гарцевал на лошади во главе парада. С Дерибасовской на площадь маршем прошли солдаты, матросы, и офицеры в галифе с алыми лентами, на их саблях и фуражках красовались красные флажки с надписью: «Да здравствует свободная Россия!» Оркестры играли Марсельезу, выступали представители различных партий, а сам Маркс произнес торжественную речь. Затем парад в полном составе промаршировал по улицам города.

Наступила весна, Одесса бурлила. Возникли всевозможные партии, звучали лозунги: «Война до победы! Слава армии! Слава флоту! Слава Временному правительству!» Крупная и средняя буржуазия захватила ключевые позиции в управлении городом и в общественной жизни. В кафе Фанкони принимали пожертвования в пользу больных и раненых бойцов. Проводились благотворительные распродажи, а гимназисты и студенты собирали на улицах деньги на общественные нужды.

Между тем возле керосиновых лавок уже выстроились длинные очереди – давали всего по литру на человека. Сахар продавался по талонам – два килограмма в месяц. Зато театральные залы и кинотеатры были полны. Ставились оперы, комические оперетты, шли концерты, в театре Болгаровой давали «Еврейский вопрос», в «Бар-Кохбе» – «*Акедат Ицхак*»⁵³. В Новом театре выступал ансамбль Боазы Юнгвица с участием Клары Юнг. Показывали «Ханче в Америке», «Жакеле – лжец», «Ой, Анна, останься», «Мадемуазель Оп-ля!». В кинотеатрах крутили фильмы с участием Веры Холодной, Полонского, Ивана Мозжухина и многих других известных артистов. Немое кино смотрели в музыкальном сопровождении.

Одним словом, жизнь кипела. В субботу вечером, 11 марта, в театре Ришелье состоялось собрание сионистской молодежи, куда пришло столько юношей и девушек, что далеко не все смогли попасть в зал. Шоэль, придя задолго до начала, едва сумел протиснуться внутрь, потеряв при этом несколько пуговиц. Обстановка в зале была торжественной. Одновременно звучавшие песни «В Пион!», «Клятва», «Воспрянем!» производили невообразимый сумбур.

---

⁵³ *Акедат Ицхак* – жертвоприношение Ицхака. Библейский рассказ из книги «Бытие».

Первым выступил Менахем Усышкин. Он призвал к объединению еврейской молодежи и сплочению ее под национальным знаменем, к активным действиям по заселению Земли Израиля евреями. Публика сопровождала выступление бурными аплодисментами. Студент Михельсон говорил о проблемах сионистской молодежи, призывал не только думать о Палестине, но и бороться за права еврейского народа в странах диаспоры, за объединение национальных сил, развитие национального творчества. Это выступление вызвало жаркие дебаты. Собрание закончилось пением гимна: все встали, и сотни молодых голосов с воодушевлением спели «Хатикву»⁵⁴. Среди них звучал и голос Шоэля.

На следующий день Шульберги пригласили Шоэля к себе. Праздновали пятидесятилетие Ханы. На столе было много чего вкусного. Особенно выделялись вишневая наливка домашнего приготовления и сладкие пироги, в которых знал толк работавший в пекарне хозяин. Шоэль принес в подарок великолепно изданный сборник сочинений Лермонтова, и надписал: «Хане Шульберг, с глубокой благодарностью».

Пройдут годы, и эти слова, когда-то показавшиеся ей странными, станут для Ханы огромным утешением... А пока молодежь шумно и весело праздновала день рождения. Шоэль видел перед собой одну лишь Хану. Кто может ответить на вопрос, почему он выбрал из всех именно ее, едва начавшую выходить из детского возраста? Как будто можно разгадать эту загадку – почему так бывает, что из многих девушек ты замечаешь только одну, ее живые глаза, излучающие теплый свет, ее милое лицо, звонкий смех, ее застенчивый голос с легкой хрипотцой?.. Словом, пришла Шоэлю пора влюбиться по-настоящему.

Он садится за пианино, пробует сыграть Моцарта, но руки сами переходят на танцевальную музыку. К счастью, одна из подруг именинницы тоже умеет играть. Шоэль с радостью уступает ей место, и вот уже звучит вальс. Шоэль подходит к Хане, их пальцы сплетаются, она смотрит на него. О, эта тайна, которую так сладко хранить, когда тебе всего лишь пятнадцать! Белый воротничок скрывает ее нежную шею, мягкие волосы слегка растрепались, она смущена, на щеках пунцовеет милый румянец.

Между тем население Одессы по горло ушло в общественную деятельность. Не проходило и дня, чтобы новые организации не заявляли о себе с той или иной степенью громкости. Например, новорожденное объединение трубочистов установило единый тариф – тридцать копеек за каждую прочищенную трубу. Еврейские организации также не сидели без дела. *Бунд*⁵⁵, сионисты-социалисты, *Поалей-Цион*⁵⁶, Еврейская народная партия, «*Гистадрут*»⁵⁷, всероссийская студенческая организация «*Ха-Хавер*»⁵⁸, объединение учителей, объединение евреев-военнослужащих, союз еврейских продавцов, организация любителей еврейского театра... – все они проявляли повышенную активность, суетились и ожесточенно спорили.

Появилась даже отдельная комиссия по выпечке мацы! Стоимость пуда обычной мацы (десять мацот – фунт) составляла тогда двенадцать рублей. *Маца*⁵⁹ высшего качества стоила в два раза больше. Комиссия постановила, что бедные семьи получают бесплатно восемь фунтов на каждого члена семьи.

⁵⁴ «Хатиква» (ивр.) – букв. «надежда» – гимн сионистов, сегодня – гимн Государства Израиль.

⁵⁵ Бунд (идиш) – букв. «союз» – Еврейская социалистическая рабочая партия. Основана в Вильно в 1897 г.

⁵⁶ Поалей Цион (ивр.) – букв. «трудящиеся Сиона» – движение, сочетающее сионизм с социалистической идеологией. Возникло в России в конце XIX века.

⁵⁷ Гистадрут (ивр.) – букв. «организация» – объединения трудящихся, начавшие возникать с конца XIX в. Сегодня – основная профсоюзная организация Израиля.

⁵⁸ Ха-хавер (ивр.) – товарищ.

⁵⁹ Маца (ивр.) – (рус. trad. – опреснок) – лепешки из теста, не прошедшего ферментацию. Единственный вид хлеба, разрешенный к употреблению по религиозным законам в течение пасхальной недели.

В Одессе заработала спортивная организация «Маккаби»⁶⁰, куда Шоэль записался в группу для начинающих. Занятия проводились по три раза в неделю. Тренер объяснял по-русски, однако команды давал на иврите. Шоэль, сделавший свои первые шаги в спорте на площадке «Герцлия» под руководством Орлова, оказался одним из лучших. Через несколько недель его перевели в самую передовую группу. Так хорошо было после тяжелого дня надеть шорты, безрукавку, спортивные мягкие ботинки и бегать вместе со всеми по небольшому залу. Вскоре Шоэль начал тренироваться на брусках, кольцах и других спортивных снарядах.

Учебный год в гимназии завершался, вскоре предстояли экзамены. Не все оценки Шоэля были отличными, но он знал, что и плохих не будет. Стояли погожие весенние дни, вода в море нагрелась, и 14-го мая Шоэль, Боря и Хана в первый раз отправились купаться. Этот день пришелся на воскресенье. Ребята расположились на каменистом берегу. Внизу пенятся легкие волны, весеннее солнце сияет в синем небе. Ветер разносит морские брызги, то затихает, то объявляется вновь – весна! Городской шум сюда не доходит, и слышны лишь гул прибоя и крики чаек. Море простирается до самого горизонта. Ребята скидывают с себя одежду и один за другим прыгают с большого камня в воду. В первый момент она кажется холодной, но одесситы Боря и Хана не боятся ни холодной воды, ни глубины. Да и Шоэль – неплохой пловец.

В купальнике Хана выглядит совсем иначе, чем в гимназической форме. Ее кожа еще хранит следы прошлогоднего загара. Все трое быстро плывут вперед и отдаляются от берега. Как хорошо на сердце! Для Бори это обычный воскресный день с его привычными радостями и книжными шпионскими страстями. Другое дело – Шоэль и Хана, не на шутку увлеченные друг другом. Девушка не в состоянии отвести от него взгляд. Они выходят из воды, мокрый купальник облегает статное тело Ханы, подчеркивает ее красивые формы. Ребята падают на песок под жарким солнцем, не жалеющим ни тепла, ни лучей.

Шоэль, как истинный «маккабист», вдруг ловко переворачивается и делает стойку на руках. Радость жизни захлестывает юношу. Пройдясь по песку на ладонях и перекувырнувшись, он ложится на горячий песок рядом с братом и сестрой. Все прекрасно в этом мире – и солнце, и море, и молчаливые камни, привыкшие покорно сносить удары волн. Шоэлю вдруг вспоминается Палестина, в памяти всплывают далекие образы, например, брюхатый, неугомонный Липсон, умевший разнюхивать секреты и проявлявший иной раз довольно крутой нрав. Как внезапно и неслышно он возникал перед тобой! А когда смеялся, на его толстых щеках появлялись ямочки...

А еще – учитель иврита, с гнусавым голосом и худощавым лицом, обрамленным жидкой бороденкой... И берег Средиземного моря, и золотистый песок, и огромные волны, не похожие на здешние. Да и чайки там вроде другие, и небо раскалено-синее уже в середине мая, в месяце ияр⁶¹. У Шоэля приподнятое настроение, его мысли улетают в далекую прекрасную страну, в гимназию «Герцлия», в пансион Липсона, он снова купается в той атмосфере братства, перед его глазами мелькают улицы Тель-Авива с их яркими вывесками на иврите.

Вот и кончился выходной день в Одессе, весна на солнечном морском берегу, в сердце, в песчинках, в криках чаек, в цветущих мимозах, в нежной цветовой гамме темнеющего неба. Завтра в гимназии он снова услышит плоские шутки Яремы.

⁶⁰ «Маккаби» – всемирное еврейское спортивное общество, названное в память исторического героя еврейского народа Йехуды Маккавея (II в. до н. э.). Истоки создания восходят к концу XIX в.

⁶¹ Ияр – название одного из месяцев по еврейскому календарю.

Глава 8

Экзамены закончились, и Шоэль успешно перешел в шестой класс. Он снова в родном доме – каникулы! В городке все по-старому; все та же размеренная местечковая жизнь, привычная затхлость, в которой варится еврейская молодежь. Но уже пошли трещины, уже появились щели, сквозь которые даже в это стоячее болото стали проникать лучи света. Весной 1917-го года в городке появились бундовцы, пропагандирующие идиш. Запомнился медбрат, Моше Стругачевский, глава местной Народной партии – своими речами он прямо-таки сотрясал небеса!

Большинство местных евреев склонялось к сионизму, а среди них – богатые, влиятельные и известные. В эти дни вернулся домой из сибирской ссылки Ицик Сапир, сын портного Менделя. Он еще до войны был социалистом, а вернувшись, не откладывая, развернул марксистскую пропаганду и борьбу за всемирную победу пролетариата в рамках нашего городка. Шоэль же вступил в молодежную организацию «*Бней Цион*»⁶², где его выбрали руководителем отдела культуры, и с головой ушел в сионистскую деятельность.

Сионисты устраивали лекции по еврейской литературе, организовали группу по изучению географии и истории Израиля. Старший товарищ Шоэля, толстогубый Зяма Штейнберг, рассказал о творчестве Хаима Нахмана Бялика. Другое выступление было посвящено анализу двух путешествий – Биньямина Третьего⁶³ и Дон-Кихота Ламанчского, и соответствующим аллюзиям: так, Биньямин и Сандерель сравнивались с Дон-Кихотом и Санчо-Пансой. Миша Зильбер, он же Михаил Каспи, добряк и заика, искренне переживал, что в свои семнадцать лет еще не успел определиться во взглядах. Как неопределившегося, его назначили казначеем организации.

Курс лекций о географии и истории вел Шоэль Горовец. Ребята купили матерчатую карту Эрец-Исраэль, и Шоэль раз в неделю, водя по ней указкой, рассказывал собравшимся о местах, расположенных по обе стороны реки Иордан. Слушать эти премудрости постоянно приходила очаровательная Фаня Шмуэлевич. Слегка высунув кончик языка, она старательно записывала в своей тетрадке названия гор и долин, городов и поселений далекой страны. Казалось бы, с чего вдруг у этой красавицы образовался столь пристальный интерес к географии? Видимо, он начался поздним зимним вечером накануне Нового года, когда девушку поцеловал некий молодой лектор – да так, что после этого она сделалась сама не своя.

Говорили еще, что Фаня не очень-то осторожничает с парнями, и даже ходили упорные слухи, что этой ее слабостью успешно пользуется ни кто иной, как Зяма Штейнберг.

Но – сплетни в сторону! Вернемся к юнцам, которые еще не знали забот о семье и о заработке, а потому имели возможность увлекаться Землей Израиля, играть в сионизм и петь ивритские песни. В сионистском клубе начали готовить концерт, назначенный на первую неделю августа в зале кинотеатра «Современник». Скрипач Шагна Маркович, недавний выпускник Киевской консерватории, организовал хор и репетировал такие популярные песни, как «Жив народ Израиля», «Бог обустроит Галилею», «Под знаменем – в Сион» и другие. В хоре пели Шоэль и Фаня, хотя, честно говоря, слух Фани оставлял желать много лучшего. Но право на мечту и на песню имели все, а потому руководитель хора вынужден был подавлять свое недовольство. Собирался хор в доме жестянщика Ерухама, который вскоре превратился в настоящий еврейский клуб.

---

⁶² **Бней Цион** (*ивр.*) сыны Сиона.

⁶³ **Биньямин Третий** – герой романа на идиш Менделе Мохер-Сфарима «Путешествие Вениамина Третьего» (Вильно, 1877). Позднее был опубликован перевод этой книги на русский язык под названием «Еврейский Дон-Кихот».

Между тем мир не стоял на месте. Временное правительство продержалось у власти меньше восьми месяцев. Обещания Керенского не производили должного впечатления, а лозунг «Война до победы» не нашел отклика в армии. Солдаты устали от жестокой и затянувшейся войны. В этот момент подняли голову украинские националисты.

Еще в марте 1917-го года на Украине избрали Центральную Раду во главе с Грушевским, куда вошли Винниченко и Петлюра. В конце июня было достигнуто соглашение между Радой и Временным правительством, в результате которого рассмотрение вопроса об автономии Украины отложили до Учредительного собрания. Заметно росло количество и влияние большевиков. Впрочем, тогда очень немногим удавалось разглядеть их железный кулак – тот самый, которому суждено было потопить в крови старый мир.

Медбрат-бундовец Моше продолжал произносить свои неистовые речи, но их пафос приелся и уже почти не собирал слушателей. Зато в доме жестянщика Ерухама каждый вечер было не протолкнуться. Молодежь инстинктивно стремилась удержать на плаву опасно накренившийся кораблик нашего народа. Капитаны дрались между собой за власть над умами, и в этом разрываемом политическими страстями мире нелегко было найти верный путь.

Шоэль полагал, что еврейская молодежь должна как можно больше знать о Земле Израиля. Поэтому, выступая на встречах с членами кружков, он старался доносить до своих слушателей запахи и краски палестинской природы, рассказывал о жизни в этой стране, черпая при этом сведения не только из книг, но и из своих давних записей, сделанных еще четыре года назад. Эти лекции представляли собой короткие воображаемые прогулки по стране, окрашенные поэтической грустью и действительной тоской по ее пейзажам, по проведенному там счастливому времени.

Фейга по-прежнему вела дела в столовой, и Шоэль помогал привозить с рынка и из магазинов продукты, бочки, бутылки с напитками, возвращать пустую тару. Эта была чисто мужская работа – погрузить на телегу бочку, ящик с бутылками или мешок картошки, и Шоэль никогда не отлынивал – тем более, что рядом то и дело оказывалась работница Паша. Вдвоем они ловко управлялись, причем не только во время дневных работ.

За последний год Шоэль заметно вырос, окреп, и ладно сложенная молодая вдова, потерявшая на войне мужа, увлеченно помогала ему превращаться из юноши в мужчину. На голове у Паши появился новый желтый платок с синими и красными цветочками, да и настроение ее заметно изменилось к лучшему. Она порхала по кухне, двигаясь легко и радостно и напевая хватающую за душу печальную украинскую песню.

Но и Фаня Шмуэлевич, страсть как обожавшая целоваться с парнями, положила глаз на Шоэля. Она была старше его почти на два года; вскоре Фане предстояло выйти замуж, родить дочку и уйти из жизни... Но об этом – после, а теперь – о ее решительном наступлении на Шоэля. Нужно сказать, что слухи о романе между Зямой и этой своенравной девушкой имели под собой некоторые основания. Когда Зяма заметил, что Фаня вертится вокруг его друга, он насторожился и стал косо поглядывать на Шоэля. Между тем, Шоэлю и дела не было до Фани, его куда больше волновали ночные свидания с Пашей – взрослой опытной женщиной. Но если уж совсем честно, то более всего шеилкино сердце тосковало по далекой подруге из Одессы Хане Шульберг.

Однако Фаня Шмуэлевич не зря считалась мастерицей раскидывать сети, особенно в летние лунные ночи. К тому же у нее набрался достаточный, почти трехлетний «целовальный» опыт. Каждый вечер по окончании лекций, обсуждений или репетиций в еврейском клубе, молодежь разбивалась на парочки, которые расходились по укромным местам и жарко шептались до поздней ночи. Однажды летним вечером Шоэль провожал домой Фаню. Гуляя, они дошли до христианского кладбища – места свиданий молодых пар.

Могильные плиты, высокая трава и густая листва деревьев хранили покой отнюдь не одних только мертвых. Всю ночь, пока не проснутся птицы, здесь стоит полная тишина. В

небе плывет круглолицая луна, деревья и надгробья отбрасывают черные тени, стоит душистый запах цветов и травы.

Молодые люди присели на камень, прикрытый широкой кроной старого дерева. Шоэль смущенно отвечает на поцелуи возбужденной Фани, а та изо всех сил старается растормошить пассивного ученика «большой Паши». Нужно сказать, у нее это получается. У Шеилки захватывает дух, запах яблок и меда исходит от дыхания девушки. Под лунным светом ее лицо становится еще более соблазнительным, овеянным каким-то волшебством. Тяжело дыша, она молчит, она ждет. Но Шоэль не переходит границы: для него Фаня остается запретным цветком, который нельзя трогать. Тонкое кружево листьев и отблески света прозрачным шарфом прикрывают парочку, серебряные лучи указывают на тропинку в трепетной листве. Молчат могилы, молчат, как всегда.

На следующий день хор репетировал песню «Проснитесь, братья, пора!». Шахна Маркович проверил, как звучат по отдельности первые и вторые голоса, а затем уже велел им спеть вместе. Фаня, как обычно, фальшивила, дирижер, как обычно, терпел. До концерта оставалось меньше недели, хор репетировал каждый вечер. Что касается Шоэля, то он, помимо пения, должен был аккомпанировать на фортепиано. Молодежь также подготовила одноактный спектакль по Шолом-Алейхему «Мазал тов», где реба Алтера играл Натан Цирлин, брат Леи Цирлиной, рассказ о которой еще впереди. Зяма Штейнберг выступил в роли прохиндея-служки.

Однако вернемся к делам политическим. Летом 1917 года власть еще держалась, был какой-никакой порядок, и городок еще не переходил из рук в руки. Религию чтити по-прежнему. В Москве стала выходить ежедневная ивритская газета «Ха-Ам»⁶⁴. Одесса тоже не отставала, продолжая выпуск журнала «Ха-Шилоах». Возобновило свою работу издательство «Мория», и намечались к выходу в свет первые четыре книжки журнала «Ха-Ткуфа»

---

⁶⁴ «Ха-Ам» (ивр.) – народ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.